

Вольный стрелок

Михаил Серегин

Вольный стрелок

«Научная книга»

Серегин М. Г.

Вольный стрелок / М. Г. Серегин — «Научная книга»,
— (Вольный стрелок)

Вычеркнуть его из жизни не так-то просто. Элитный боец, обученный убивать в секретной школе ГРУ и отточивший свое мастерство в «горячих точках», он не намерен играть в поддавки. Пусть он не нужен властям, но нужен самому себе. Теперь он вольный стрелок, и горе тому, кто встает на его пути.

Содержание

Часть I	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	18
Глава 5	26
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Михаил Георгиевич Серегин

Вольный стрелок

Часть I

БЕГИ ОТ МЕНЯ

Глава 1

УТРЕННИЕ МУЧЕНИЧЕСТВА

СВЯТОГО ИЛЬИ

Эта утренняя пробежка в предпоследний день августа запомнилась Владу надолго не только благодаря тому, что на обратном пути пошел прямо-таки тропический по интенсивности, но отнюдь не по температуре ливень и вымочил его до последней нитки, и это несмотря на то что он предусмотрительно надел на себя водонепроницаемую итальянскую плащевку.

Ко всему прочему на углу он навернулся прямо в огромную мутную лужу явно ассенизационного происхождения и свалился туда перед носом почтенного старичка, уже минут семь как неотступно семенившего за ним и упорно не желавшего уступать в скорости передвижения.

Это, наверное, только в Италии вода не мокрая, подумал он со злобой, комфортабельно разлегшись в луже и меланхолично разглядывая безнадежно испорченную, с позволения сказать, водонепроницаемую одежду. Да она еще и порвалась при падении! Конечно, при их развитии капитализме с человеческим лицом и слоновьей от хронического переедания задницей наиболее колючим и острым предметом обихода являются недоваренные спагетти, но здесь же Россия, черт побери!

– С вами все в порядке, молодой человек? – проквакал старичок. – А то, знаете ли...

– Все замечательно, отец, – откликнулся Влад, бултыхая пятерней в мутной, унитапно благоухающей воде, – молодым везде у нас дорога, так сказать...

А эти самые дороги надо иногда ремонтировать, да и подземные коммуникации тоже.

Войдя в дом, он решил-таки принять ванну, потому как ассенизационные ароматы той мало чем отличающейся от выгребной ямы лужи еще не выветрились из общей ауры его весьма чистоплотной и гигиеничной персоны.

Но едва он залез туда, как зазвонил телефон. Первоначально он решил не брать трубку, потому что посчитал, что это не суть важно, возьмет он трубку или нет. Если кто-то из друзей решил бы разыскать его, он позвонил бы на вторую квартиру или же на «мобильник», а тут, по всей вероятности, из ванны его настойчиво вытягивала либо одна из бесчисленных подружек брата, либо кто-то с его же работы. В любом случае игра не стоила свеч.

Однако все-таки спрыгнул на холодный кафель и побежал за трубкой в комнату, чтобы возвратиться с нею обратно в горячую ванну и только тут нажать кнопку «Talk».

– Я слушаю.

– Здравствуйте. Простите, я хотела бы поговорить с Ильей Свиридовым.

Какого ж черта я бежал за этой трубкой, подумал он. Наверняка ведь одна из подружек Илюхи, как он и думал. Разговаривать с ними – удовольствие весьма сомнительное, потому что не знаю, как при непосредственном контакте, но по телефону большая часть их оставляет впечатление довольно-таки безмозглых существ.

– Его нет, – ответил он, – что-нибудь передать?

– К сожалению... – начала было она, но потом осеклась, и после нескольких секунд молчания Свиридов спросил, уже не скрывая раздражения:

– А кто его вообще спрашивает?

– Я не думаю, что мое имя вам что-то скажет. Да и ему тоже. Простите... но, возможно, вы подскажите, когда он будет дома?

– Подскажу, – со сдержанной насмешкой ответил Влад, – приблизительно недели через две, если не врут эскулапы пятой городской больницы.

– А что с ним произошло? – поинтересовалась она достаточно выдержанным тоном, но он легко распознал нотку беспокойства в ее голосе, натянутом, как струна. Он сумел представить, какое у нее при этом лицо...

– Сломал ногу, – лаконично сообщил он и, уловив на том конце провода легкий, почти неуловимый выдох облегчения, выдал контрвопрос:

– А вы полагали, что он убит выстрелом в сердце с последующей контрольной пулей в голову?

– Как ни странно, именно так я первоначально и подумала, – отозвалась она, и Свиридов не смог понять, чего больше прозвучало в этом достаточно неожиданном ответе – сдержанной иронии или тревоги.

– А вы брат Ильи? – неожиданно добавила она.

– Да, брат. Значит, мы все-таки каким-то боком знакомы? Через несколько рук? – усмехнулся он.

– Каким-то боком – несомненно. Значит, Илья болен и пробудет в больнице еще достаточно количество времени? Да, очень жаль. Я очень рассчитывала... – В ее голосе послышалась губительная нерешительность, и она, скомкав свою предыдущую фразу, хотела было свернуть разговор, но Влад кашлянул и негромко произнес:

– Возможно, я могу быть вам полезен?

– А почему вы так говорите? – переспросила она. – Вам понравился мой голос?

– Нет, больше то, как вы мило удерживаете себя, чтобы не наговорить мне дерзостей. Я ведь принял вас за одну из подружек моего брата, а эти дамы всякий раз называют по принципу «бешеной корове семь верст не крюк».

– Честно говоря, мне нужны вы, Владимир... ведь вас зовут так, я не ошиблась? А Илья мне был необходим только для того, чтобы связаться с вами.

Свиридов переложил трубку в другую руку.

– Я? А по какому вопросу?

– Я думаю, это не телефонный разговор. Добавлю только, что телефон вашего брата мне дал господин Луньков. Ваш хороший знакомый, как он утверждал.

– Вот как... А как ваше имя?

– Аня. Прохорова Анна Михайловна, но не думаю, что такая форма вам понадобится.

– Ну да, – машинально ответил он. – Значит, Луньков? Простите за нескромность, но я позволю себе поинтересоваться: откуда вы знаете Евгения Александровича?

– Он помогал мне разменять московскую квартиру на дом в вашем городе.

– Вот как? – Влад поднял брови, лоя в зеркале напротив свое преувеличенно озадаченное выражение лица. – Нужны серьезные причины, чтобы переехать из Москвы в этот пусть не самый что ни на есть махрово провинциальный город, но все же... знаете ли.

– Они у меня есть, – ответила Аня.

– Значит, вы на достаточно короткой ноге с Луньковым, если он дал вам мой телефон? Или я ошибаюсь, и вас привела ко мне проблема вовсе не того рода, которыми я время от времени занимаюсь?

В трубке повисло тяжелое и явно вынужденное молчание. Потом мелодичный голос Ани коротко вымолвил:

– Напротив. Именно того, Владимир Антонович.

Глава 2

КТО ХОДИТ В ГОСТИ ПО УТРАМ...

Они договорились встретиться в ресторане «Белая акула» в шесть вечера. Свиридов большую часть своих деловых встреч назначал именно здесь, в ресторане, где он знал все входы и выходы и где и директор, и начальник охраны были его старинными – в рамках того времени, что он жил в этом городе, – знакомыми. Тем более что этот ресторан принадлежал самому первому – и основному – деловому партнеру Владимира, крупному «авторитету» городского криминального мира Валерию Маркову.

До шести у него было еще более чем достаточно времени, и он решил потратить его на подготовку к предстоящей встрече. Конечно, подготовка – это громко сказано, потому что единственным обязательным пунктом программы был звонок Лунькову.

Евгений Луньков был давним деловым партнером Свиридова. Верным и безотказным – почти что другом. Он работал в крупной риэлторской фирме, крутился на рынке недвижимости и соответственно мог поселить кого угодно и где угодно в самые краткие сроки. Правда, за это он брал не самые маленькие проценты, но делал «навверняка, без гемора и кидняка», как говорил сам Евгений Александрович, пародируя босса своей «крыши», уже упомянутого Валерия Маркова по прозвищу Китобой. То есть работал солидно, оперативно и профессионально.

А профилактические обмены квартир Свиридов совершал часто. За те два с половиной года, что он жил в этом крупном волжском городе, он проделал это трижды. Не считая того раза, когда он заимел самую первую квартиру после трех месяцев обитания на территории брата Ильи.

Он делал это не потому, что бродячая жизнь очень уж привлекала его – хотя после бурно проведенной молодости, основным воспоминанием из которой, несмотря ни на что, оставались три года, проведенные в спецгруппе «Капелла» при ГРУ Генштаба, он не мог отделаться от привычки постоянно менять место дислокации.

Это преследовало его подобно тому, как многовековой уклад кочевой жизни оседает в генах вполне современных молодых людей цыганского происхождения и потом синдромом «бродячего пса» клокочет в жилах. В крови Владимира Свиридова не было ни цыганской, ни еврейской примеси (зря, что ли, дети «избранного народа» сорок лет бродили за Моисеем – кстати, по происхождению не иудеем, а египтянином – и в результате разбрелись и осели по всему свету). Но после «Капеллы», в составе которой судьба заносила его и в Афган, и в Чечню – две Голгофы русского солдата, к которым вели широкие проторенные дороги, – после «Капеллы» вирусы этого синдрома прочно засели в его, Влада, организме. И как же швыряла по свету его судьба, чтобы наконец оставить здесь, в этом красивом, но тихом и патриархальном городе!

Первоначально было легко – каждое утро просыпаться на одном и том же месте, дышать одним и тем же воздухом, как и все рядовые граждане этой несчастной страны, – воздухом, в котором не разлита леденящая опасность, подхватываемая только по-настоящему звериным чутьем, а иначе... иначе смерть. Нет... другим, спокойным и бузупречным воздухом другой жизни, где не веял хрипло рвущий горло запах гари и тьмы и где хоть иногда светило солнце.

Все это он хотел забыть, но что-то не отпускало его от того смертоносного существования на грани небытия, на краю пропасти, по которому он ходил многие годы.

И в этом городе рука губительной фортуны – не той, что традиционно понимается под этим словом, но сила, удерживавшая его от падения в бездну и которой во многом повелевал он сам, а не слепой, бессмысленный жребий, – и здесь она не позволила ему разжать свои беспощадные пальцы, глухо и неотвратимо сомкнувшиеся на его, Свиридова, горле.

Он встретил Маркова и стал – навсегда, без права выхода и реабилитации, по крайней мере на этом свете – тем, кем он был сейчас. Носителем модной профессии. О которой он сам говорил следующими замечательными словами – циничными, насмешливыми и горькими:

– Как сказал один мой знакомый бандит за пять минут до того, как его застрелили, это все страшно... то есть страшно весело.

Теперь он был киллером. Настоящим специалистом, прошедшим лучшую школу спецгруппы «Капелла», которая представляла собой не что иное, как элитное подразделение ГРУ, занимавшееся заказными убийствами. Вышколенные, совершенные убийцы экстра-класса.

Он никогда не переставал быть им. И в то же время никогда им не был. Горький и опасный парадокс. Он часто пытался понять его и понимал, а потом зажмуривал глаза, как будто таким образом мог обезопасить себя от предугадывания ближайшего будущего. Блестящего, полного событий, довольства жизнью и – как на десерт этого пиршества жизни – мгновений натянутых нервов, зависшей, как гильотина, тишины...

Великолепный, превосходный удел. Без надежды, без возможности разорвать замкнутый круг, начертанный кровью.

...Минуты подобной рефлексии, самодостаточной углубленности в себя он обычно называл неврастеническим отступлением – вероятно, по аналогии с лирическим. И думал в эти моменты, что вот сейчас, пожалуй, он не прошел бы отбор в «Капеллу». Не те стали нервы. Слишком долго он использовал их на манер узды и, как коням, рвал губы идущим от его все-таки человеческого естества побуждениям и чувствам совести, радости, состраданию. Надежде.

Заигравшийся истерический паяц, находящий удовлетворение в собственной боли.

...Как хорошо, что мгновения неврастенических отступлений были так редки.

* * *

Влад позвонил Лунькову и на третьем гудке услышал голос автоответчика: «Извините, сейчас, к сожалению, никого нет дома. Если вам несложно, продиктуйте ваше сообщение после гудка». Бросил трубку, вспомнив, что сейчас Женя должен быть на работе. Набрал номер риэлторской фирмы, которую возглавлял Луньков.

– Здравствуйте. Евгения Александровича, пожалуйста, – проговорил он после того, как на том конце провода прорисовался мелодичный голосок секретарши.

– А Евгения Александровича нет.

– Отлучился по делам?

– Его сегодня вообще не было. А кто его спрашивает?

– То есть как это – вообще не было? – удивился Свиридов. – Уже около одиннадцати часов, он должен быть. И где он, вы не знаете?

– Он ничего не говорил, – механически ответила девушка. – Может, что-то передать?

– Да, конечно. Если появится, скажите, чтобы тотчас позвонил Свиридову.

– Свиридову, – повторила секретарша. – Хорошо, передам. До свидания.

– Всего хорошего.

Влад бросил трубку и задумался. За все время их более чем двухлетнего знакомства с Луньковым не было случая, чтобы тот в это время не был на работе. Только сумасшествие, кома и смерть могли должным образом мотивировать отсутствие пунктуального и обязательного директора риэлторской конторы на рабочем месте в одиннадцать ноль-ноль.

После этого он безрезультатно набирал номер луньковского сотового, который тот всегда держал в машине, и под занавес своих тщетных потуг законтачить со старым знакомым сбросил на пейджинговую станцию сообщение для абонента такого-то: немедленно отозваться.

Ответа не поступило.

Интересно.

Свиридов набрал номер марковского «мобильника», который был известен только ближайшим друзьям и партнерам заправины преступного мира, и тотчас же услышал в трубке недовольный бас:

– Да!

– Здорово, браконьер, – приветствовал его Влад, – местный Робин Гуд с тобой разговаривает.

– А, Вован? – Голос Маркова заметно подобрел. – Чего на этот раз? И какой там еще браконьер?

– А как насчет твоего погоняла... типа Китобой тама... уничтожение животной, которую в красную ксиву зачехлили, – нараспев произнес Свиридов, подражая выговору классических представителей уголовного мира. – В общем, ладно... я вот что хотел спросить. Там твои братки не замочили еще некоего Лунькова Евгения Алексанчыча?

– То есть как это – не замочили? – недоуменно проговорил Китобой. – Я с ним только вчера «стрелу» забивал в клубе на сегодня... так что если ты думаешь, что я... Нет, погоди, ты все это к чему? Че, Лунька шлепнули, что ли?

– Да нет, по крайней мере у меня такой информации нет. Только найти я его никак не могу. Пропал, значит.

– Да ну? – обеспокоенно выговорил Марков и облегчил свою душу пышным ругательством, продемонстрировавшим богатство лексикона и нестандартность синтаксических конструкций в бранном реестре мафиози. – А куда это он, по-твоему, мог деться от своего пейджера?

Логика железная, машинально отметил Свиридов: не куда это он мог деться, а «куда это он мог деться от своего пейджера?». Поняв, что от Маркова большего не дожидаться, он на всякий случай заметил:

– Ну ты все-таки, Валера, пошарь там по своим каналам... вдруг, в натуре, что-то серьезное.

– Ты лучше еще раз его поищи, – посоветовал Марков, – а я тут пока кое-какие свои дела улажу. Один брателло тут кипешует... думал тебя позвать, да потом передумал.

– Много ему чести? – насмешливо поинтересовался Свиридов. – Ну ладно, счастливо тебе... бандит.

* * *

Евгений Александрович Луньков потянулся и взглянул на настенные часы. Было уже около восьми, и он подумал, что сейчас самое время аппетитно перекусить «колючую проволоку», как говаривал его старый знакомый Влад Свиридов. Этому милому и сердобольному убийце с замашками и капризами изнеженного барина было свойственно опасное чувство юмора. Как опасно, впрочем, и все остальное в нем. Луньков часто ловил себя на мысли, что с большей охотой перессорился бы с доброй половиной местных бандитов, чем не сошелся, скажем так, во взглядах на жизнь с уважаемым господином Свиридовым.

Да, кстати, о господине Свиридове...

Звонок в дверь прервал размышления риэлтора. Кто бы это мог быть? Шофера он сегодня не вызывал, собирался добраться до работы на своей машине. Может... впрочем, чего гадать?

Он накинул на плечи халат и пошел открывать.

В глазке маячило очень даже миловидное женское лицо, на котором был явно написан жестокий цейтнот и настоятельная рекомендация открыть дверь. Ну что ж, такой очаровательный утренний посетитель не затруднит его.

– Одну минуту, – проговорил Евгений и начал процесс методичного открывания замков, засова и накидной цепочки. – Одну минуту...

Он распахнул дверь и увидел на пороге высокую молодую женщину лет двадцати трех – двадцати пяти, в элегантном легком осеннем пальто и стильных черных сапожках на высоком каблуке.

Луныков всегда обращал внимание на женские ножки. Равно как и на прочие детали внешности привлекательных молодых женщин. Но женские ножки – это первое в реестре истого знатока и гурмана, как полагал воротила квартирного бизнеса.

– Доброе утро, – произнесла она, – извините, что побеспокоила в такое раннее время. Евгений Александрович?

– Да, – расплывшись в приветливой улыбке, любезно ответил Луныков, – это я. Проходите, пожалуйста.

– Да нет, спасибо, – ответила она, – мне только надо передать вам...

Она открыла сумочку, висевшую у нее на боку, и порылась там двумя тонкими пальчиками.

– Что же передать? – вежливо осведомился Евгений.

– Привет, – коротко ответила она и вынула руку из сумочки. Он почувствовал, как липкий холод мгновенно ложится на спину и сознание блаженно проясняется взблеском лимонно-желтого света – так, словно мысленный взгляд вооружили сильными очками.

Потому что в руке ее он увидел пистолет с глушителем, и дуло его смотрело ему в лицо.

Луныков дернул рукой и почему-то хрипло засмеялся. Короткая, почти беззвучная вспышка вбила смех обратно в его глотку.

Глава 3

РЕСТОРАН «БЕЛАЯ АКУЛА»: НА ДЕСЕРТ ЗАКАЗЫВАЮТ СМЕРТЬ

Она сидела за столиком у стены и словно нехотя курила длинную сигарету, небрежно держа ее тонкими пальчиками. Ментоловую, отметил Влад, медленно приближаясь.

Отпив глоток из стоящей перед ней чашечки кофе, она вдруг подняла на него взгляд.

– У вас опасные глаза, Аня, – сказал Свиридов, усаживаясь напротив. Она, не отрывая от него рассеянного немигающего взора, отпила еще кофе и только потом спросила:

– Почему?

– Потому что красивые, – усмехнувшись, произнес он и подумал, что она пришла раньше шести. По крайней мере, состояние сигареты и содержимое кофейной чашечки красноречиво наталкивали именно на такой вывод.

– Но не только, – добавила она, – ведь это всего лишь отговорка, правда?

– Возможно. Итак, что же вы хотели мне сообщить?

Аня выпрямилась и снова взглянула на него так, как в самом начале – задумчиво, настороженно.

– Я подумала... – начала она, – что, быть может, это место не самое удачное для таких встреч... я положила на ваше усмотрение... все-таки я не очень хорошо знаю город и полагаю, что эта «Белая акула» не такое людное и находящееся у всех на виду место.

– Ну и что?

– А сейчас я думаю, что если вы предпочли встретиться здесь, то, значит, это место совершенно подходит вам, Владимир, и вы считаете, что именно так удобнее всего говорить. Простите, возможно, я вас озадачила... не обращайтесь внимания на мои лирические отступления.

Он несколько недоуменно взглянул на нее и сказал:

– Вы знаете, мы с вами чем-то похожи. Только я подобное умонастроение у себя называю неврастеническими отступлениями. Вот в чем разница. Подождите, я закажу себе мороженого. Хотите мороженого?

– Нет, – не разжимая зубов, ответила она.

– А я вот люблю побаловаться здешним мороженым. Есть у меня такая детская слабость. И еще, пожалуй, выпью немного кальвадоса. Все герои Ремарка пьют кальвадос. Не будете?

– Я не люблю кальвадос.

– Жаль, – ответил Влад и, подзвав официанта, заказал ему свою обычную вечернюю порцию мороженого и яблочной водки. Только после того, как заказ был доставлен, разговор возобновился.

– Так что же вам от меня угодно, Аня? – проговорил Свиридов, захватывая ложечкой кусочки слоистого десерта – мороженое, безе, ананасы, мороженое. – Я полагаю, эта история с переездом из Москвы имеет к тому самое непосредственное отношение?

– Да, – ответила она.

– Кто же вам так досадил?

– Я думаю, фамилия Страдзе вам еще не знакома?

– Почему же незнакома? – искоса взглянув на Аню, произнес Свиридов. – Вы имеете в виду Эдуарда Георгиевича или его брата Кирилла?

– Обоих, – глухо ответила она.

– Когда вы сказали, что фамилия Страдзе «вам еще не знакома», вы, конечно, имели в виду то обстоятельство, что они живут в этом городе не так давно, где-то с полгода, и, судя по всему, также прибыли сюда из Москвы?

Аня взяла вторую сигарету и, прикурив ее от первой, медленно выговорила, не отвечая на прямой вопрос собеседника:

– Есть еще третий человек. Вот он, – и она подала Владу фотографию молодого мужчины с хитро улыбающимся лицом и прищуренными темными глазами. Весьма обаятельная и представительная внешность, по антропологической криминологии Ломброзо шансов быть преступником у этого человека нет.

– Этот мне не знаком, – сказал Свиридов. – Кто он?

– Его фамилия Бахтин. Начальник охраны милого семейного дуэта. Вот, взгляните.

Она извлекла из сумочки еще одну фотографию, на которой так же обаятельно улыбающийся Бахтин был изображен с двумя рослыми черноволосыми мужчинами столь неоспоримого сходства во внешности, что легко можно было предположить их близкую степень родства.

– Очень хорошо, – пробормотал Свиридов, разглядывая фотографию, – почтенные и законопослушные граждане. Чем же они вас расстроили, гражданин Прохорова?

– А что, кальвадос иногда мне нравился, – неожиданно сказала она и улыбнулась. Что и говорить, неадекватное у этой очаровательной дамочки мироощущение, даже он, Владимир, на секунду застыл от удивления с дрогнувшей нижней губой. – Я закажу себе, хорошо?

Картина с эксцентрической выставки «Наш веселый дурдом», подумал Свиридов, глядя на бледное лицо Ани, еще теплящее где-то в губах странную тусклую улыбку.

– Они убили мою семью, – коротко произнесла она. – Расстреляли из автоматического оружия машину, в которой находились мой отец и старший брат. Фактически вогнали в гроб мою мать... да, можно сказать, что так.

У вас замечательно красивые губы, Анна Михайловна, проговорил про себя Свиридов, и только что эти прекрасные губы выпустили на свет божий не менее замечательную фразу: «... расстреляли из автоматического оружия машину, в которой находились мой отец и старший брат».

Из «автоматического оружия», повторил Влад про себя. Эта формулировочка применительно к смерти семьи для нормального человека отдает клиникой – психиатрической, разумеется, а не хирургической ордена Ленина имени Лаврентия Павловича Берии, отметил он.

– Это произошло больше шести лет тому назад, – продолжала она, – тогда мы жили в Москве. Отец был владельцем крупной фирмы... кооператива, как тогда это называлось. А эти братцы сначала работали у него, а потом ушли. Не знаю, поссорились ли они с папой или ушли потому, что им стало тесно под его крылом. Но ушли... Оба Страдзе и Бахча.

– Простите?

– Так они зовут между собой Бахтина. По крайней мере, тогда его называли так все, включая папу. И я тоже называла его так. Бахча... забавно звучит, правда?

Свиридов кивнул.

– Вот так, – сказала Аня, откидываясь на спинку стула и отпивая из только что принесенного официантом бокала кальвадос. – Вы должны помочь мне. Я долго искала этих людей, и вот теперь нашла... и нашла вас. Я знаю, что ваша поддержка... ваша работа стоит больших денег, но я готова платить, сколько вы запросите. Я уверена... вы согласны?

Она уцепилась за его глаза пристальным и почти умоляющим взглядом, комкая тонкими пальцами очередную сигарету.

– Вы слишком много курите, – мягко сказал Влад. – И еще... знаете что, Анечка? У меня создается впечатление, что вы хорошо меня знаете. Нет, я не имею в виду того, что мы с вами когда-то были знакомы... еще до этой встречи. Очень жаль, но это не так. Просто мне показалось, что вам много обо мне рассказывали. За это говорит решительно все: то, как вы со мной держали себя, наконец, то, как вы заказывали в качестве своеобразного десерта к вечерней трапезе смерть этих людей. Вы меня очень интересуете, Анна Михайловна, вы очень своеобразный человек. Но я-то вынужден работать не с людьми, а с клиентами.

– То есть вы не можете согласиться? – медленно выговорила она.

– Не старайтесь казаться беспомощной, чем вы есть на самом деле, Аня, – улыбаясь почти что с нежностью, проговорил Влад. – Лично мне вы кажетесь очень опасной. Это замечательно. Что же касается отказа... а на основании чего мне отказываться, если мы не обговорили ни суммы, ни срока исполнения.

Хищная улыбка прорезала ее красивое лицо, и Влад невольно подумал: красивая, грациозная тигрица. И еще она умеет угадывать людей. Распознавать, определять их характеры и уязвимые места.

– Я могу предоставить задаток, – сухо, по-деловому, сказала она. – У меня с собой тринадцать тысяч долларов. Этого пока достаточно?

– Вы знакомы лично с этими людьми? – вопросом ответил он.

– Да.

– Они настроены по отношению к вам очень дружелюбно и часто отворяют перед вами двери своего дома?

– Сразу видно, что вы бывали на Востоке, – одними уголками рта обозначила она ироническую улыбку. – Да, вы совершенно правы, эти люди почитают меня как единственную оставшуюся в живых дочь их безвременно почившего в бозе друга и покровителя. – При этих словах в ее больших глазах блеснула ненависть, смешанная с горьким сарказмом, и она закурила очередную сигарету. – Я подготовила вам материалы для работы... здесь все: адреса, фамилии, телефоны, координаты дач, загородных особняков и ближайших друзей.

Она протянула ему свернутые в трубочку бумаги и со все той же странной улыбкой добавила:

– Распечатывала прямо на компьютере Эдуарда Георгиевича.

Влад посмотрел в ее грустно-ироничное лицо и подумал, что он был бы точно таким, угоразди его родиться женщиной. А потом негромко произнес:

– Вероятно, это забавно: заказывать на десерт людей, которые считают вас другом.

Аня передернула хрупкими плечами и в тон ему ответила:

– А разве вам не приходилось убивать друзей... не обязательно сейчас, но когда-то... ведь правда, Владимир?

Он долго не отвечал, а потом изобразил на лице спокойную добродушную улыбку – опасную, как лезвие бритвы, как сказал бы он сам, увидев свое отражение в зеркале, – и, чуть выпятив нижнюю губу, бросил с явной претензией на юмор:

– Как говорится, мы мирные люди, но наш бронепоезд кровавую пищу клюет под окном.

Она непринужденно и звонко рассмеялась, а Влад добавил, как пригвоздил:

– Но все-таки... кто познакомил вас с Луньковым? Вероятность случайного совпадения... то, что он проводил операции с вашей жилплощадью после того, как вы позвонили ему как одному из риэлторов нашего города... такая вероятность ничтожно мала, потому что, не зная меня непосредственно, похоже, вы хорошо изучили меня.

– Вы говорите загадками.

– Какие еще загадки? – немедленно откликнулся он. – Какие там еще загадки, если Женя Луньков убит сегодня утром на пороге собственной квартиры выстрелом в лоб?

* * *

...Владимиру Свиридову в самом деле приходилось убивать близких ему людей. И если он не называл их друзьями, то только потому, что было не положено по уставу.

Это произошло в девяносто втором году, когда в связи с развалом Союза и неопределенностью нового экономического и, конечно же, политического уклада жизни на территориях,

образовывавших до Беловежских соглашений Советскую империю, воцарился хаос, не окончившийся и по сей день.

Тогда ему было только двадцать пять лет, но, если судить по тому, сколько крови, труда, испытаний и боли осталось за плечами, он легко мог зачислить в свой опыт существования на этой жестокой земле целую жизнь.

А сколько таких жизней маячило еще впереди...

Сначала была высшая школа ГРУ Генштаба в Москве, куда он попал по ходатайству влиятельных друзей убитого в Афганистане отца, полковника воздушно-десантных войск. Сами курсанты не без оснований называли эту школу «академией». После трех лет даже не учебы, нет! – жесточайшего штудирования обширной программы и не менее строгого отсева курсантов он попал в так называемую группу сирот – спецгруппу «Капелла». Сюда зачисляли лучших по результатам трех лет курсантов высшей школы ГРУ.

Все они, или почти все, эти отборные парни с наивысшими коэффициентами психофизического тестирования и показателями стрелковой, общефизической и разведподготовки, а также лучшим индексом интеллекта – имели одну общую деталь биографии, за которую группа «Капелла» и получила свое жутковатое прозвище – «Группа сирот».

Большинство составляющих ее элитных курсантов не имело на белом свете никого из родных, и даже собственное отражение в зеркале многим из них казалось чужим.

Именно этот благодарный материал принял под свое умелое руководство «дирижер» «Капеллы» полковник Платонов. И вскоре зазвучала смертоносная музыка этих вышколенных лучшими специалистами ГРУ «музыкантов». В том числе и в Афгане, отнявшем у него, Свиридова, отца.

Потому что в «Капелле» готовили суперкиллеров ГРУ, и префикс «супер» в данном случае не был преувеличением либо данью моде.

Профиль и специфика их деятельности первоначально предполагала деятельность исключительно в дальнем зарубежье, но с распадом СССР устойчивые жизненные критерии и установки раздвоились и поплыли, и стало неясно, кто будет потенциальным заказчиком, а кто жертвой. Поскольку бывшие противники внезапно записались в друзья, по примеру руководства страны и Главное разведывательное управление вынуждено было переадресовать приоритеты своей работы.

Основная работа перебазировалась внутрь страны, потому что спецслужбы пытались взять под жесткий контроль крепнущее кооперативно-криминальное движение. Группа «Капелла» работала по заказам государственных структур, и потому любая самодеятельность ее штатных сотрудников, скажем так, возбранялась и пресекалась в предусмотренном уставом порядке.

Пятого мая девяносто второго года командир «Капеллы» полковник Платонов вызвал в свой кабинет боевую единицу своего элитного отдела. Единица эта носила кодовое обозначение «Стрелец АС-13» и «в миру» именовалась старшим лейтенантом контрразведки Владимиром Свиридовым.

– В общем, так, сынок, – сказал полковник, который в своем кабинете предпочитал неофициальное обращение, – у меня есть для тебя небольшое, но ответственное задание. Ответственное потому, что ни тебе, ни мне, ни кому-либо из отдела еще не приходилось сталкиваться с такой безответственностью и недопустимой опрометчивостью, которую выказал один из наших товарищей. Тебе предстоит исправить его упущение.

Полковник походил по кабинету, потом остановился перед «Стрельцом» и выговорил:

– Я имею в виду «Гайдна ПС-3».

Все подчиненные полковника Платонова знали его маленькую слабость – давать «единицам» отдела кодовые обозначения, имеющие отношение к музыке. Офицеры бывшей контрразведки, составлявшие элитное подразделение Платонова, носили наименования «Бетховен»,

«Шопен», «Глинка» и тому подобные. Они знали друг друга исключительно по этим прозвищам и понятия не имели, как кого зовут на самом деле. Так, агент «Вагнер» позднее стал лучшим другом Свиридова Афанасием Фокиным.

Да и сама спецгруппа носила музыкальное название, а полковник Платонов проходил в соответствующих сферах как «Дирижер». Или «Скрябин» – по имени любимого композитора полковника, культурного главы отдела элитарных убийц.

Только трое имели немзыкальные имена – «Араб», «Капуцин» и «Стрелец» – он, Владимир Свиридов.

– «Гайдн» принял заказ от частного лица на директора совместного предприятия, – продолжал полковник. – Я думаю, тебе известно, сынок, какие директивы он при этом нарушил. Поэтому я решил отчислить его из группы.

Владимир выслушал, не моргнув глазом, несмотря на то что полковник Платонов произнес слова смертного приговора. Потому что в группе приказ об отчислении визировал не чернильный росчерк пера, а алый росчерк пули во лбу...

И обязанность «отчислить» «Гайдна» из группы возложили на него, «Стрельца АС-13».

* * *

«Гайдн» не был его другом, просто потому, что киллеры отдела не могли и не хотели дружить между собой. Дружба – это всегда доверие, а доверие, скрепленное кровью жертв, вещь невозможная.

Но они жили бок о бок шесть лет. Они вместе прыгали с парашютом и ели из одного котла, они синхронно сигали с летящего со скоростью больше сотни километров в час поезда, они страховали друг друга в горах, когда сдавали зачет по альпинизму и совершали для того восхождение на гималайский «восьмитысячник» Дхаулагири, ползли по афганской пустыне, багрово залитой лучами заходящего солнца... да мало ли через что прошли они за шесть лет, которые прожили вместе.

И вот теперь он должен был убить этого человека.

Он выследил его, когда «Гайдн» шел по вечернему проспекту, держа в руке скрипичный футляр. Владимир знал, что в нем нет никакой скрипки, а лежат части винтовки с оптическим прицелом. Точно такой же футляр держал в руках и он сам. Привычными движениями он извлек из него все части и быстро, четко, как на тренировке, собрал винтовку.

Это была особая снайперская винтовка, изготовленная по разработкам главного конструкторского бюро ГРУ на базе бесшумной автоматической винтовки «Винторез», модернизированная в соответствии с последними мировыми стандартами оружия войск специального назначения. Возможно, это было не самое лучшее оружие, находящееся в спецхране «Капеллы», но Свиридов счел его наиболее пригодным в контексте сложившихся обстоятельств.

«Гайдн» свернул в переулок к своей официальной квартире. Иногда он позволял себе ночевать здесь. Здесь его и подкараулил такой же, как он, киллер отдела с благозвучным музыкальным названием «Капелла»...

* * *

Аня взглянула на него пустым, ничего не выражающим взглядом – и вдруг этот взгляд прояснился до пугающего своей обнаженностью потрясения.

– То есть как... убит? – выдавила она.

– Как-как, – бормочущей скороговоркой выдал Свиридов, – так, как вы рекомендуете мне презентовать мою скромную особу господам Страдзе и Бахтину. То есть пулей в лоб.

Он глотком допил свой кальвадос и договорил на одном коротком выдохе:

– И, судя по всему, убийцей была женщина.

– Почему вы так думаете? – быстро спросила она.

– Потому что я могу отличить женские следы от мужских.

Перед дверью луньковской квартиры натоптано, но только в одних следах отпечатки засохшей грязи, как после дождя. Дождь прошел сегодня утром, значит, эта женщина приходила утром. Я, конечно, не Шерлок Холмс, но мне известен распорядок дня и привычки Лунькова – в такое время он просто не открыл бы незнакомому человеку...

– ...будь этот незнакомый человек мужчиной, – уверенно договорила Аня. – Надеюсь, вы не считаете, Владимир, что это я убила Евгения Александровича?

– Чтобы считать, нужны доказательства. У меня их нет, – невозмутимо сказал Свиридов. – Конечно, у вас могут быть некоторые мотивы для убийства Лунькова, например в случае, если вы вышли на меня не через него, а через какое-то третье лицо, а предпочли, чтобы я думал именно так. В таком случае засвидетельствовать подлинность вашей вымышленной ссылки на него Женя может только двумя способами. Либо ложью за деньги, либо своей красноречивой смертью. Как он и предпочел поступить.

Глаза Ани негодуяюще вспыхнули, тонкие ноздри затрепетали, и она приоткрыла было рот, чтобы, вероятно, достойно ответить на эту дерзкую выходку Влада, но он, предупреждая ее гневную тираду, тотчас же добавил:

– Конечно, я не ставлю под сомнение искренность ваших слов (пока у меня нет оснований подвергать ее сомнению, добавил он про себя), просто у меня такая несколько нескромная манера оперировать вслух возможными и даже невозможными толкованиями происшедшего. Все дело в том, что я все-таки не учитель в школе для умственно неполноценных детей, не слушатель сельскохозяйственных курсов и не священник на исповеди. Мне приходится отпускать грехи по-иному. Вот в чем загвоздка, Анечка.

Она неожиданно мягко улыбнулась и спросила, доставая из пачки последнюю сигарету:

– А вам никогда не приходила в голову мысль сниматься в кино?

– А что, вы считаете, у меня получилось бы?

– Уверена в этом, – серьезно ответила она.

Глава 4

СВЯТЕЙШАЯ ЛИТУРГИЯ ОТЦА ВЕЛИМИРА

Они сидели в «Белой акуле» до сумерек, болтая о пустяках и словно притираясь, присматриваясь друг к другу. Свиридов всегда считал невозможным работать на совершенно незнакомом человеке, который пусть платит и большие деньги, но играет по совершенно непонятным для него правилам и руководствуется сомнительными мотивами. Здесь же на первый взгляд все было кристально ясно и разворачивалось словно по сюжету банального голливудского боевика: потерявшая семью девушка наняла киллера, чтобы посчитаться с убийцами своей семьи.

Это не отягощалось даже смертью Лунькова, потому как вероятность погибнуть от руки женщины была не из последних в списке гипотетических финалов жизненного пути Евгения Александровича. Уж больно любил покойник прекрасную половину человечества.

Отчего не предположить, что какая-нибудь ревнивица, не смирившись с тем, что тот, на ком сошелся для нее клином белый свет, преспокойно кувыркается в кровати с другими, взяла ствол да и пояснила любимому в самой доступной форме, что все мужики козлы, кобели и сволочи.

На тебе сошелся Клинтон Белый дом, дорогая тетя Моника, как иногда говорил претендующий на остроумие Владимир Антонович.

Среди всего прочего Свиридов поинтересовался личностью Бахтина более подробно, нежели из простого любопытства. Безусловно, Аня могла сообщить ему многое из того, что оказалось бы полезным при «отработке», как выражался сам Влад, этого милого деятеля криминально-коммерческих структур – привычки, наклонности, пристрастия. Любимые места отдыха, наконец.

По последнему пункту удалось выяснить следующий момент: несомненным лидером в реестре коронных центров досуга господина Бахтина являлся ночной клуб «Nimpho», с недавнего времени принадлежащий братьям Страдзе.

Свиридов знал этот клуб. Да и немудрено, потому что именно «Нимфо» считался самым скандальным и одновременно престижным заведением подобного толка во всем городе – элитарный развлекательный комплекс со стрип-шоу и многими другими атрибутами кучерявой ночной жизни.

И ничего, что у многих бедных граждан города «Нимфо» вызывал устойчивые ассоциации с похоронной конторой из «Двенадцати стульев» и сакраментальной фразой мастера Безенчука: «А „Нимфа“, туды ее в качель, разве товар дает!» Достаточно было одного посещения, чтобы убедиться, что «Нимфо» вовсе не «Нимфа» и товар дает такой, что закачаешься, в том числе от устойчивого алкогольного опьянения. Потому как если ильфо-петровское заведение производило товар для мертвых, то клуб братьев Страдзе предлагал товар живой, да такой живой, что и у мертвого... пардон, вскочит. Одним словом, работающие в эротическом шоу девушки, а также, по слухам – в порядке африканской экзотики, – два негра на подтанцовке предоставляли широчайший спектр интимных услуг.

В цивилизованном обществе это именовалось консумацией, а в России – обычным легализованным, извиняюсь за выражение, блядством последней категории откровенности.

Именно из этого клуба не вылезал начальник охраны братьев Страдзе.

– Даже странно, – сказала Аня, – меня время от времени интересовал вопрос: когда же это Бахтин свои профессиональные обязанности выполняет, если он в «Нимфо» порой по суткам торчит?

– А ты поинтересуйся, – откликнулся Влад и неожиданно для себя перевел разговор на другую тему. Словно не заказчик и исполнитель пришли на деловую встречу обговорить условия сделки, а просто мужчина и женщина зашли в ресторан тихо посидеть и поговорить.

Эта девушка многим напоминала ему собственную его судьбу. Они даже семью потеряли в один и тот же девяносто второй год – именно тогда погибли отец и брат Ани и умерли одна за другой бабушка и мать Свиридова.

Аня напоминала ему себя самого, а вот сидящая через столик мрачная гоп-компания, прикинутая по четкой рецептуре классического бандита средней руки – «голдвые» цепуры в палец толщиной, печатки, коротко остриженные головы, дорогой пиджак с торчащей из кармана напоказ антенной сотовика у одного из них, с выражением лица а-ля «Бобик в гостях у Барбоса», очевидно, главного, – эта компания напомнила ему, носителем какого опасного рода занятий он является.

Потому что добры молодцы определенно несколько раз покосились в их сторону, настороженно при этом переговариваясь и, вероятно, вынашивая какой-то злодейский план.

Как дети, честное слово, подумал Свиридов. И ведь где косятся так злобно – в «Белой акуле», вотчине Маркова, там, где Свиридову стоит только рот открыть, чтобы его поддержал десяток хлопцев не хлипче этой мрачной троицы.

– Ань, посмотри, вон те ребята тебе не знакомы?

Она повернулась и мельком окинула взглядом как-то сразу притихшую братву.

– Нет.

– Тогда какой же, извините за выражение, Владимирской ордена Ленина божьей матери они сюда тарашатся? – продекларировал Свиридов.

– Мне пора, – сказала Аня, – проводи меня до выхода, там я передам тебе деньги.

– Хорошо.

Они встали и направились к выходу. Едва повернув голову, Свиридов зафиксировал, что Бобики, наносящие визит Барбосу, в полном составе поднялись из-за столика и четко, как на параде, последовали за ними.

– Они что, нарочно, что ли? – презрительно пробормотал Влад. – Или усвоенные за ужином калории в голову ударили?..

– Что ты сказал? – спросила Аня.

– Да так... подумал, что у зоопарка начались запоздавшие летние каникулы.

Они вышли на улицу. Погода умиротворилась, и только легкий свежий ветерок раскачивал верхушки деревьев, что после утреннего ливня и рваного штормового ветра, весь день рыскающего по улицам, казалось просто божьей благодатью.

– Ты меня не ищи, – сказал Влад Ане, когда она передала ему солидную пачку stodolларовых купюр, – и не звони на ту квартиру без особой на то нужды. Лучше дай мне номер своего телефона или – если еще не успела здесь им обзавестись – свои координаты.

– Почему так? – встревоженно спросила Аня.

– Ты что, боишься, что я тебя кину, что ли? А Женя, царствие ему небесное, разве не предупреждал тебя, что я меньше чем из-за двадцати тысяч этих самых... буржуйских денег кидать не буду?

– Ну и шуточки у тебя, – холодно сказала она, повернувшись к нему вполборота. – Хорошо, я все уяснила. Вот мой телефон. Когда позвонишь?

– После того, как с тобой поговорит с того света милейший господин Бахтин, – то ли в шутку, то ли всерьез произнес Влад, медленно, по одному, выпуская ленивые податливые слова из иронично искривившихся губ.

Она молча повернулась и зашагала по вечерней улице мимо фигурной ограды зеленого парка...

* * *

На самом входе в «Белую акулу» Влад столкнулся с той самой любопытствующей троицей мрачных парней, которые, очевидно, толклись по ту сторону стеклянных дверей ресторана, ожидая, пока он отпустит Аню. К удивлению и даже некоторому разочарованию Владимира, они не обратили на него ни малейшего внимания, и только один, пузатый здоровяк в пиджаке поверх «олимпийки» – дикая и совершенно безвкусная манера одеваться, которую особенно любят кавказцы, – довольно свирепо прошелся по нему глазами.

Главный же, с сотовым телефоном, вальяжно проплыл мимо Свиридова, чуть подцепив его здоровенным плечом и, кажется, даже не заметив.

Ну-ну, подумал Влад, похоже, это к вам, Анна Михайловна. Перспективы грядущей аудиенции самые радужные.

Он остановился по ту сторону тонированных дверей и стал наблюдать за трио, как за минуту до этого делали они сами. Интересно. Вот они пересекли проезжую часть и в полном соответствии с аксиомой «наикратчайшее расстояние между двумя точками есть прямая» направились к медленно идущей по той стороне улицы Ане.

* * *

«Гайдн» шел так, словно чувствовал нависшую над ним опасность. Великолепное звериное чутье, развитое годами тренировок и не отпускающим ни на секунду бременем тревоги, словно говорило ему открытым текстом – берегись, брат, на тебя смотрят глаза смерти. Как любил повторять слова героя Микки Рурка из только что выпущенного в то время на российские экраны фильма «Сердце Ангела» полковник Платонов: «Ворота ада отверзнуты, и гореть мне там вечно».

«Гайдн» крутил головой, бросал вокруг себя напряженные взгляды, стараясь делать это как можно естественнее и незаметнее. Свиридов наблюдал за ним с крыши его же дома. Он не рассчитывал на то, что его товарищ по отделу придет сегодня сюда, просто отрабатывал различные варианты дислокации. Но ему повезло.

«Гайдн» пришел.

У Свиридова не было ни малейшего сомнения в необходимости сделать это, когда он поймал того в крестике оптического прицела. Не говоря уже о каких-то там угрызениях совести. Ведь не бывает же ничего подобного у человека, который прихлопнул домашнего таракана, сосуществовавшего с ним под одной крышей долгие годы.

Для элитного киллера «Капеллы» смерть человека и смерть таракана находились рядом в ценностной шкале мироздания. Ведь недаром их учили человеконенавистнической философии и этике, в основе которой лежали переиначенные теоретиками ГРУ труды Фридриха Ницше, Освальда Шпенглера, Артура Шопенгауэра, Мартина Хайдеггера и особенно парадоксального и потому, вероятно, малоизвестного британского иррационалиста Артура Кестлера, утверждавшего, что человек всего лишь продукт злокачественной мутации обычной обезьяны.

И весь их жизненный опыт подтверждал это утверждение.

И сейчас его палец, не дрогнув, лег на курок снайперской винтовки, чтобы убить собственного товарища. С которым он съел даже не пуд, а центнер соли.

Потому что «Гайдн ПС-3» на его месте поступил бы точно так же. Так, как диктовал неумолимый, усвоенный с потом и кровью, в чем-то, бесспорно, преступный и бесчеловечный, но оттого не менее обязательный к исполнению, – долг.

Выстрел прозвучал негромко, как хрустнувший под ногой сухой сучок...

* * *

– Одну минуту, – на плечо Ани легла тяжелая рука, и она обернулась, – не спешите так. Она сразу узнала тех троих, что сидели в «Белой акуле» и так по-дилетантски, по мнению Свиридова, смотрели в их сторону. Странно... однако они не совсем похожи на дилетантов, особенно этот, с телефоном.

– Что вам нужно? – резко спросила она. – Мне кажется, мы с вами не знакомы... чтобы вот так бесцеремонно хватать меня на улице.

– Не ерепенся, цыпочка, – отозвался приземистый толстяк с отвислым пузом и плечами тяжелоатлета, – нечего квакать, тут не болото.

– Поедешь с нами, – веско выговорил «Бобик в гостях у Барбоса», – вас желал видеть один представительный господин.

– Кто это? – нисколько не смутившись, ответила Аня. – Назовите его фамилию, может, я и сама не сочту излишним посетить его. Хотя в вашем городе, откровенно говоря, туго с галантными и воспитанными мужчинами.

– Хватит болтать! – рявкнул пузан и рванул девушку за руку, чтобы затолкать в подъехавшую «Ауди». – Поехали, сука, мать твою!

Аня ловко извернулась и ударила каблуком не блеснувшего вежливостью толстяка в подъем ноги, отчего тот басовито рыкнул и, изрыгнув чудовищное ругательство, смешно запрыгал на одной ножке, что для человека его габаритов было, по крайней мере, нестерпимо комично.

Аня открыла было сумочку и потянула содержавшийся в ней пистолет, как сильная рука главного с телефоном цепко ухватила ее за запястье так, что она взвизгнула от нестерпимой боли и машинально выпустила сумочку. Второй бандит на лету перехватил ее и повесил себе на плечо.

В этот момент рядом с «Ауди» тормознула темно-зеленая «БМВ», переднее тонированное стекло опустилось, и знакомый ироничный голос проговорил:

– Конечно, я человек не самый галантный, но все-таки обращаюсь с дамами куда более вежливо.

– Ну вот, – произнесла Аня, морщась от мощной хватки гоблина, – можно было бы приехать пораньше.

Свиридов вышел из машины, а пузатый бандит, припадая на больную ногу, подошел к Владу и агрессивно уперся в него животом, вероятно служившим ему главной ударной силой:

– А тебе чего, братан? Поужинал девушку, типа, дай погонять другим.

– Вас кто прислал? – спокойно спросил Влад, не обращая внимания на все возрастающее давление со стороны могучего брата.

– Вот и я спросила, – в тон ему негромко произнесла Аня, – а они ругаются и за руки хватают.

– Слушай, ты! – сказал главный, буравя Влада досадливым взглядом, как смотрят на пустяковое, но хлопотное недоразумение. – Бери ноги в руки и уматывай отсюда. Тебе мой совет будет такой.

– Правда? – Влад одним шагом преодолел расстояние, разделявшее его и Аню, и без видимого напряжения разжал пальцы бандита на запястье девушки. – Этот совет ты с большим успехом можешь переадресовать самому себе.

– А-ах ты, лох позорный! – заорал тот так, что находящиеся в радиусе пятидесяти метров прохожие стали оборачиваться на громовые звуки голоса бандита. – Гынни-да-а-а!..

Толстый бандит, посчитав богатырские раскаты голоса вожака сигналом к действию, подскочил к Владу и замахнулся на него здоровенной ручищей, в то время как второй выхватил

пистолет и ткнул им в бок Свиридова. Впрочем, главный бандит не успел даже торжествующе ухмыльнуться, как над его головой нависли грозовые тучи и грянул гром.

Или почти грянул.

Потому что карающая десница толстого бандита была перехвачена левой рукой «лоха» и по необъяснимой случайности пришла в тесный контакт с мило оскалившейся физиономией тыкающего в бок Свиридову пистолетом второго бандита. Стыковка напоминала консолидацию на околоземной орбите станций «Мир» и «Союз»-«Аполлон», а по последствиям и эффекту оставила далеко позади космическое российско-американское единство.

Неожиданно ставший мишенью для кулака собственного подельника бандит гаркнул что-то нечленораздельное и со всего маху полетел на землю, проделав при этом несколько пируэтов и кувырков, которым позавидовал бы олимпийский чемпион Атланты по спортивной гимнастике Алексей Немов.

Нанесший же этот великолепный удар толстяк потерял равновесие и, по инерции сделав вперед несколько шагов, навернулся через еще барахтающегося компаньона и ткнулся мордой в не просохшую после утреннего дождя лужу, подняв при этом тучу брызг.

Главный бандит разверз свою золотозубую пасть, успев выдать нечто вроде:

– Бля-а-а... го-о...

Означало ли это нечто – «благодарю покорно» – или являлось экспрессивной обработкой куда более банального – «бля, говно, мать твою, иже еси на небеси, тра-тата», так и не удалось узнать. Потому что именно в этот переломный момент Влад легонько ткнул его под ребра, и он беззвучно согнулся, отскочил к чугунной ограде парка и упал на спину.

– У нас есть десять секунд, – бросил Влад, распахивая перед девушкой дверцу «БМВ», – садись.

Она обожгла его коротким и, кажется, не особо одобрительным взглядом и легко запрыгнула на переднее сиденье.

– Где ты так научился?

– То есть? – переспросил он, вдавливая до отказа педаль газа, отчего визгливо застонали провернувшиеся на шершавом асфальте шины.

– Впрочем, чего я спрашиваю? – усмехнулась она. – Я думаю, по твоему профилю ты и не то еще должен уметь.

– А ты довольно ядовитая девочка, – с неприкрытым сарказмом сказал он, – другая бы на твоём месте радостно прыгала от восторга, что ее спас супермен местного розлива, и завлекательно сверкала глазками, не зная, как и благодарить героя. А ты, понимаешь...

– Да я-то понимаю, – неожиданно добродушно (уже в который раз неожиданно, подумал он!) выговорила она. – А вот ты... Ну зачем ты так больно вытянул того, с пистолетом, рукой его же толстого друга? Ты ж ему череп проломил.

Это было сказано классическим тоном дрессировщицы тигров из «Полосатого рейса», наставлявшей своего разошедшегося питомца: «Ну зачем ты Ваське хвост откусил?»

– Не думаю, – откликнулся Влад, – тем более что они у нас на хвосте.

«Ауди» вынырнула из-за поворота неожиданно. Судя по ее скорости, сидящие в салоне гоблины были настроены решительно и пославший их неизвестный благодетель настоятельно рекомендовал им заполучить Аню и не возвращаться без нее.

– Куда направимся? – почти пропел Свиридов. – Я не думаю, что предложение отвезти вас прямиком домой было бы лучшим выходом.

– Мы уже проехали мой дом.

– В самом деле? М-м-м... как говорят в тупых американских сериалах про несчастных закормленных налогоплательщиков, страдающих олигофренией в стадии имбецильности, у меня есть идея, – на одном дыхании выпалил Свиридов.

Аня с интересом взглянула на него.

– В минуте езды от нас по Казанской находится Воздвиженский собор. Там служит мой друг отец Велимир... даже в такое позднее время он обычно еще там. Вот мы и решим, как нам быть.

– Вы шутите? – вероятно, от изумления снова переходя на «вы», проговорила Аня.

– Я не шучу такими вещами, как жизнь человека, Анна Михайловна, – в тон ей сухо ответил Свиридов и после некоторой паузы многозначительно добавил: – С недавних пор...

* * *

Они обнаружили отца Велимира в ризнице, где тот снимал церковное одеяние, чтобы облачиться в мирское. Едва ли не по пятам за ними мчались упорные братки, успевшие прошмыгнуть в отворенные церковным служкой по просьбе Влада вторые храмовые ворота, которые следовало бы именовать скорее обычной железной дверью, потому как парадный вход был закрыт еще два часа назад по окончании вечерней литургии.

Отец Велимир, рослый осанистый мужчина лет тридцати пяти, чрезвычайно представительной благообразной внешности, с окладистой черной бородой, в миру звался Афанасием Фокиным, а в приснопамятные времена являлся штатным исполнителем «Капеллы» под кодовым названием «Вагнер».

Впрочем, в последние годы уроки спецгруппы ГРУ явно уходили в забвение, так как отец Велимир по идеологическим и моральным соображениям сознательно отрекался от прошлого, связанного с элитным киллерским отделом, которое в его понимании явно шло от дьявола.

Нельзя не признать, что во многом отец Велимир был прав.

Другое дело, что, отрекшись от сатанинских свершений прошлого, новоиспеченный священник предался другим дьявольским наваждениям, самым явным из которых следовало признать неумеренное потребление спиртных напитков. По утверждению ряда праведных прихожан, которых сам пастырь титуловал не иначе как богохульниками, вероотступниками и хриstopродавцами и примерно раз в неделю обещал отлучить от церкви, – так вот, по утверждению этих добрых людей, преподобный отец вверял себя зеленому змию даже во время служения молебнов, иногда столь основательно, что путал слова молитв и даже осквернял слова Священного писания богомерзкой икотой.

Впрочем, Владимир храм не посещал и о степени одержимости своего друга дьяволом в лице зеленого змия во время литургии мог судить только со слов злобных старушек, чтящих все заветы матери нашей православной церкви.

Однако и сейчас отец Велимир был определенно пьян и уже весьма нетвердо стоял на ногах, когда в ризницу влетели Влад и Аня.

– Вот ты-то нам и нужен, Афоня, – проговорил Свиридов, – сейчас сюда пожалуют несколько возмутительных безбожников, а мне уже надоело вразумлять их и наставлять на путь истинный. Быть может, у тебя это получится лучше, все-таки ты у нас духовное лицо.

– Ну что ж, господь мне в помощь, – торжественно провозгласил отец Велимир, обдав Влада и Аню волной нервно-паралитического перегара.

– А нас тут не было, – добавил Свиридов, ныряя за угол. – Все понял?

В этот момент неугомонная троица ворвалась в ризницу и увидела перед собой благожелательно ухмыляющееся лицо отца Велимира.

– Эй ты, поп! – гаркнул вбежавший первым отчаянно пыхтящий толстопузый. – Где тут... козел этот со своей шалавой?

– Ты, верно, впал в заблуждение, сын мой, – следовал спокойный ответ, – здесь не было никаких козлов, тем паче, прости меня господи, шалав. Да будет тебе известно, сын мой, что всякий козлице, преступив порог храма божьего, немедленно уподобляется агнцу.

– Да ты что несешь, е-мое? – возмутился главный, пытаясь обойти возвышающегося посреди ризницы, как башня, отца Велимира. Тот придержал его за плечо:

– Не спеши так, сын мой. По-моему, ты еще не готов для разговора с богом.

– Этот поп их спрятал! – заорал толстый, толкая брюхом отца Велимира. С таким же успехом он мог приложиться к гранитной скале. – Я сам видел, как они сюда заскочили!

– Да, больше им некуда деться, – мрачно сказал главный. – В общем, так: мы тебе не проститутки на исповеди... говори, где они?

– Кто, проститутки? – отбросив елейный, душеспасительный тон, насмешливо спросил Фокин. – Ты что-то туманно изъясняешься, сын мой.

– Он еще и рамсует, сука. Говор-р-р-и, пидор бородатый! – заорал толстый и в порыве злости дернул отца Велимира за упомянутую бороду.

Впрочем, в следующую секунду священник от души благословил его прямо по жирной физиономии, да так, что здоровенный бандит отлетел, как котенок, а второго отечески напутствовал мощным пинком. Когда же тот угрожающе приподнялся, испуская вопли дикой горной гориллы, которая случайно зажала в расщепе дерева что-то жизненно важное, а главарь выхватил пистолет, отец Велимир схватил лежащего на полу и отчаянно верещащего страдальца за ворот и ремень брюк и, раскачав на манер стенобитного орудия, швырнул в хищно нацелившегося в него громилу с сотовым телефоном.

И с такой силой был пущен этот «стенобитный снаряд», что оба амбала, судорожно вцепившись друг в друга, вылетели из дверей ризницы и скатились вниз по лестнице, а потом с грохотом впечатались в стену так, что посыпалась штукатурка.

Ничего удивительного, что после подобных баллистических процедур оба негодяя впали в полный коматоз.

Относительно уцелевший же толстяк, прижимаясь к стене, боязливо чиркнул задом по иконостасу и, пятясь по-рачьи, попытался ретироваться, вероятно в панике приняв точку зрения упомянутых выше истовых старушек, считающих, что в отца Велимира вселился дьявол. Но наткнулся прямо на выходящего из своего укрытия Влада.

– Нет, Володя, ты мне скажи, что это за уродов ты мне подсунул? – спросил Фокин, без особого восторга глядя на позеленевшего толстяка.

– А я и сам не знаю. Ты же с ними знаком уже не хуже меня. Неплохо размялся, правда, Афоня?

– Воистину тяжек крест твой, о господи! – непонятно к чему пробормотал Фокин, потом с ловкостью фокусника выудил откуда-то бутылку водки «Хрустальная корона» и хватил здоровенный глоток из горлышка.

– Кто сказал тебе привезти ее? – схватив толстого бандита двумя пальцами за горло, спросил Свиридов.

– Я... я не знаю. Мы должны были встретиться с ним... тем мужиком в одиннадцать часов вечера у речного вокзала.

– То есть имени его ты не знаешь?

– Н-нет... да чего мне гнать, братан, я тебе в натуре говорю: не знаю! – буквально взмолился тот, видя, как Влад угрожающе сощурился, а отец Велимир, опустошив бутылку, свирепо засопел. Засопел скорее всего по поводу недостатка алкоголя, но перепуганный амбал все принял на свой счет.

Влад извлек из кармана фотографию Бахтина и сунул тому под нос:

– Это не он?

– Да это Бахча... я его знаю, – оживился толстяк. – Конечно, не он. Да я того толком-то и не разглядел. Он с нами по телефону разговаривал потому что, – с глупейшей ухмылкой присовокупил он.

– То есть ты его не видел? – вмешалась Аня. – А что он хотел от меня?

– Да откуда ж мне знать? – уже более спокойно выговорил тот. – Мы только знали, куда ее подвезти... а что там, как там... это я без понятия.

– И сколько он заплатил? – резко спросил Свиридов. – Рубль нынче колбасит, каждый цент на счету, правда?

Амбал тупо закивал головой, а потом пробормотал:

– Да по пятьсот баксов на брата отстегнул, ханыга.

– Только-то? – усмехнулся Свиридов. – И не жалко тебе подыхать из-за каких-то пятисот «зеленых», а?

Студнеобразное лицо бандита судорожно затряслось, на лбу проступили капли пота, и он проквакал нечто маловразумительное, вероятно, долженствующее означать, что подыхать жалко и за пятьсот тысяч.

– Все ясно, – сказал Свиридов Ане, – этот олух ничего не знает.

– А теперь объясни мне, сын мой, – хмуро начал священник, – какого черта ты устроил для меня это вифлеемское избиение младенцев?

– Фоня, ты пьян, – коротко ответил ему Свиридов, – а за избиение, как ты говоришь, тебе отдельное спасибо. Наставлять на путь истинный – это ведь по твоему профилю, правда?

Тот что-то промычал.

– В общем, так, толстый, – повернулся к бандиту Влад, – забирай своих младенцев и вали из святого храма... а то разлеглись тут...

Тот скатился вниз по лестнице и, легко подхватив своих покалеченных рукой пастыря собратьев, исчез за выступом стены.

– Очень насыщенный вечер, – сказал Свиридов, – правда, Аня?

Ответа не последовало.

Свиридов огляделся по сторонам, потом недоуменно посмотрел на отца Велимира, сворачивающего свою праздничную ризу, и проговорил:

– Послушай, Афоня... а где же девчонка?

Глава 5

НИМФЫ АНДРЕЯ БАХТИНА

– А что девчонка? – оборотившись на манер БТР, разворачивающегося на затынутом грязью танкодроме, проговорил отец Велимир.

– Да с концами!

– Куда она денется, когда разденется, – лаконично ответил преподобный отец и вернулся к прерванному в связи с приходом непрошенных гостей процессу переодевания. – Сейчас придет.

– Да меня интересует не то, придет ли она сейчас или не придет, а совсем другое... как она могла ускользнуть незаметно и зачем это ей надо?

– Да надоел ты ей, вот и все, брат Вовчик! – пробасил Фокин, натягивая куртку.

– У тебя тут есть выходы из ризницы, помимо основного?

– Да есть... там, – неопределенно махнул рукой отец Велимир.

– Ну так она через него и ускользнула. Чтоб этих баб!.. – затейливо выругался Влад и краем глаза посмотрел на сотрясающегося от смеха всем своим монументальным корпусом Афанасия.

– Да, обидно, конечно, – отсмеявшись, констатировал Фокин. – Девчонка, что и говорить, красивая... где ты только берешь таких?

– Это не я ее, а она меня, – ответил Влад, – эта красивая девочка сильно беспокоится за состояние здоровья господ Страдзе Эдуарда Георгиевича и Кирилла Георгиевича в ближайшие несколько суток, потому как есть некоторая вероятность, что оно существенно ухудшится.

Отец Велимир выпучил глаза, потому как прекрасно понял, что кроется за этими обтекаемыми формулировками, которыми так любил щеголять его старый друг...

* * *

– Ну что, Афоня, как ты смотришь на то, чтобы пойти в клуб «Нимфо»? Только не говори, что не знаешь, где это и с чем его едят, – сказал Свиридов после того, как они вышли из церкви.

Внезапное исчезновение Ани, откровенно говоря, не очень сильно обеспокоило его. Девушка с самого начала показалась ему достаточно странненькой – в лучшем смысле этого слова, кроме того, он не находил никаких мотивов для подобного поведения.

Никаких серьезных мотивов.

– Почему не знаю? – ухмыльнулся отец Велимир. – Очень даже знаю. С клубникой и бананами это все едят.

Смысл загадочных слов Фокина прояснился позже.

– Только зачем туда идти? – продолжал он. – Директор всего этого выпендрежа – мой хороший знакомый, и если я ему позвоню, он подгонит нам пару девочек со всеми прибабасами и по весьма умеренной цене. Хотя у них вызовы на дом не практикуются... они для того считают себя слишком крутыми, но по знакомству нам с тобой помогут в нашей общенациональной трагедии.

И он насмешливо посмотрел на Влада.

Надо сказать, что как только нога отца Велимира ступала за пределы храма, вся его святость по необъяснимому стечению обстоятельств улетучивалась и он становился таким многогрешным и падким на соблазны человеком, что не приведи господь.

Хотя и в церкви поведение пресвятого отца едва ли давало повод усомниться в том, что у него нет никаких оснований рассчитывать ни на прижизненную канонизацию, ни на посмертное причисление к лику святых.

– Хорошо, – кивнул Свиридов, – ты уверен в том, что тебе выдадут напрокат пару милых дам, с которыми можно поговорить о высоких материях, типа о юбке выше пояса?

– Да что б меня...

– Прекрасно, – перебил его Владимир, которому матерный и богохульственный лексикон Фокина был известен, как «Отче наш» служителю церкви. Не такому, естественно, как отец Велимир. – Тогда внесем в проект сегодняшнего вечера один маленький корректив, который очень желателен к исполнению...

Через десять минут они входили в одинокую холостяцкую обитель скромного служителя господина нашего Иисуса Христа. При всех этих смиренных эпитетах она сильно смахивала на несколько усеченный по площади вариант резиденции нового русского средней руки. Отделанная по европейским стандартам, обставленная дорогой мебелью и под завязку забитая электроникой, квартира Фокина ничем не выдавала того, что здесь обитает священнослужитель.

Если не считать скромного позолоченного распятия в самом дальнем углу самой дальней комнаты, вспомнил Свиридов. Чтобы найти его человеку со стороны, нужно обладать сыскными способностями, по крайней мере, мисс Марпл, если не сказать больше.

Зато на самом входе стояла небольшая статуя, если судить по количеству обозначенной на ней одежды, какой-нибудь Афродиты или иной античной пропагандистки нудизма. Отец Велимир обычно использовал ее под вешалку.

Вот и сейчас он набросил на нее свою куртку, надвинул на мраморные глаза кепку, которую более пристало носить какому-либо мелкоуголовному элементу, чем греческой богине или тем паче православному священнику. Заботливо укутав таким образом свою домашнюю Галатею, отец Велимир швырнул один башмак влево, другой вправо, причем едва не угодив в разувашегося Влада, и провозгласил:

– А теперь, значит, можно и подумать о грешной плоти... и так я весь день умерщвлял ее постом и бдением.

– Да ладно, Афоня, хорош тебе загоняться, – усмехнулся Влад, – конечно, я к религии отношусь нейтрально, но, по-моему, я более верующий человек, чем ты.

– Вера не приемлет сравнительной степени, – назидательно изрек тот, – нельзя сказать «более верующий» или «менее верующий». Вера абсолютна... так учит всеблагий господь...

– Пить надо меньше, – печально проговорил Влад.

– Але... Петр Иваныч? – тем временем заорал в телефонную трубку отец Велимир. – Фокин говорит. Да... Фокин. Слушай, Петр Иваныч, дай погонять пару девочек. Ну да... слушай, я слышал, Бахтин хвалил какую-то девочку, которая была с ним в последний раз... Что? Нет, я не оглох от святости. Ах, их было сразу две? Ну а я что говорил... дай пару девочек. Вот-вот. Да, на ночь их мне. Знаешь что, Петр Иваныч... отлучу от церкви. Тогда лады? Пришли с ними пару бутылок «Джека Дэниэлса», а то я уже водяру жабаю. Воистину так, сын мой. Аминь.

Отец Велимир положил трубку, а Свиридов свалился на диван и захохотал, глядя на самодовольное лицо своего бывшего товарища по «Капелле».

– Мне всегда нравилось, как ты говоришь по телефону, – наконец судорожно выдал он, едва удерживаясь от нового приступа смеха.

– А что? – на всю квартиру рывкнул Фокин. – Я сказал, как ты мне советовал... как ты говорил, уловка просто детская и потому действенная. Ну вот, сработало... а ты ржешь, богохульник.

– И когда же этих двух мыр, которые развлекали вчера Бахчу, довезут сюда вместе с твоим «Джеком Дэниэлсом»... Кстати, на кой черт ты его заказал?

– Через полчаса. – Афанасий походил по комнате, потом достал откуда-то из угла бутылку пива и одним махом залил в глотку, как горючее заливают в бензобак.

* * *

Вечер в самом деле выдался на редкость удачный, как потом говорил Свиридов. Отец Велимир успел надраться до самых что ни на есть богохульственных зеленых чертиков раньше, чем гоблиновидный шофер привез двух весьма милостивых дам полусвета, которых Фокин заказывал на правах вечерней трапезы. Владу пришлось в экстренном темпе приводить его в чувство, потому как алкогольно-декадентский регресс жизнедеятельности преподобного забулдыги определенно не входил в его планы.

– «Нимфа» раз-зи товар-р дает, туды ее в качель, – пробормотал тот в лицо сморщившейся девицы, очевидно, представившей перспективы тесного общения с подобным лицом мужского полу. Очевидно, у отца Велимира прорезалась острая литературно-ностальгическая чесотка.

Впрочем, бывший агент элитного киллерского отдела «Вагнер АУ-62» умел приводить себя в чувство.

Уже через десять минут он откупоривал бутылку вина, бодро извлеченную им из холодильника, и словоохотливо и довольно удачно – судя по веселому серебристому смеху девиц – шутил, то и дело благословляя их огрызком огурца.

По мере того, как убывало вино в бутылках, багровело лицо и до этого не отличавшегося особой бледностью кожных покровов отца Велимира, таяла и одежда на пьяно хихикающих девицах, которые и изначально не были отягощены ею. Когда же на них остались одни кружевные черные чулки, туфли и нечто вроде наплечных накидок, Свиридов поднялся и с серьезной миной спикера Госдумы Геннадия Селезнева проговорил:

– Дорогие дамы. По просьбам трудящихся надо определить регламент сегодняшнего вечера. Любителям группенсекса предлагаю на время пересмотреть свои пристрастия.

– Да я и не люблю групповухи! – пискнула одна из девушек. Владимир сурово посмотрел на нее и взял бокал с остатками вина. Потом поймал взгляд Фокина и утвердительно кивнул: сделано.

– Вот и згр-рабно, – на жуткой смеси русского и польского прорычал тот и буквально насильно влил остатки находящегося в бутылке вина в рот второй «нимфе».

– А теперь часовой антракт, – не отрывая от Фокина пристального взгляда, сказал Влад. Тот сгреб первую попавшуюся под руку девицу, своей весовой категорией подтвердившую гордое имя женщины легкого поведения, и понес в соседнюю комнату.

– Ну что, мадемуазель, – сказал Влад второй девице, оказавшейся всецело на его попечении и, судя по той прыти, с которой она накинулась на него, весьма довольной тем, что она досталась именно ему, а не отцу Велимиру, – как тебя зовут-то?..

– А тебе не все равно? – промурлыкала она, легко, кончиками пальцев расстегивая его рубашку. – Ну Света, а что?..

– А то, что ты, Светлана, прежде чем будешь отрабатывать на мне свои сексуально-технические приемы, сначала станцуеть мне, как в «Нимфо». Устроим тут маленький филиал эротик-шоу.

Из соседней комнаты раздалось паровозное пыхтение отца Велимира, потом звонкий голос его партнерши: «Да не туда!» – и все захлестнули волны плавной, накатывающей хрустальными переливами музыки, включенной Свиридовым.

* * *

– Ты давно знаешь Бахтина?

Они лежали на диване, Света широко раскинула руки, прижимаясь к Владу своей великолепной стриптизерской грудью, которая отличалась от аналогичных органов моделей «Плейбоя» только полным отсутствием в ней силикона – к чести танцовщицы «Nympho», и что-то мурлыкала под нос, как сытая умиротворенная кошка. Влад подумал, что Афанасий прав – ему всегда везло на красавиц. Он не привык выхватывать из памяти перечень когда-то бывших с ним женщин, но когда это непроизвольно происходило, он всякий раз отмечал, что из них вполне можно составить такое модельное агентство, которое не уступит иному «Elite».

Вот и сейчас. Он почему-то никогда не видел в стриптизерках женщин, тем более красивых, тем более их в этом бизнесе, вопреки устоявшемуся убеждению, не так много. Не относить этих по-своему несчастных созданий к прекрасному полу давно сложилось у него в непререкаемое убеждение, но в очередной раз правило было подтверждено вопиющим исключением...

– Я знаю его уже пару месяцев, – ответила она, расплываясь в глупой нежной улыбке, – с тех пор как он со своими боссами приехал в наш город... Они же купили наш клуб у прежнего хозяина.

Влад улыбнулся: его банально гадкая уловка удалась. Это он читал в обращенном на него нежном взгляде лежащей рядом девушки.

Оказалось до смешного просто вызвать девушек, знающих Бахтина, на дом и спокойно подмешать им в вино самопальный, но сильнодействующий синтетический психостимулятор, парализующий способность к сопротивлению и превращающий необходимость отвечать на самые откровенные или оскорбительные вопросы в наслаждение.

Ко всему прочему он начисто отбивал память, и фрагмент жизни, прожитый под воздействием препарата, совершенно улетучивался из головы.

Замечательное, совершенное средство для выбивания нужных сведений, над которым в свое время немало покорпели не последние ученые-биохимики и фармацевты страны. Разумеется, очень вредное – за несколько следующих один за другим приемов оно вызывало сильнейшее расстройство психики вплоть до шизофрении и амнезии.

Этот синтетик их учили готовить еще в первый год обучения в «Капелле». На основе достаточно распространенных препаратов с небольшим содержанием куда более редких ингредиентов.

Наркотик, превращающий допрос в приятный, душевный разговор. Мечта любого диверсанта. В «Капелле» он так и обозначался – препарат «Мечта-21».

– Почему двадцать один? – шутивно спрашивал в таких случаях полковник Платонов. И отвечал: – Потому что всякому, кто его примет, становится двадцать один год.

Влад всегда по возможности носил его с собой.

– И как он в постели? – продолжил Влад допрос.

– Ты знаешь... не хуже тебя. Здорово он все это делает. Мы вчера с Сашкой его обрабатывали.

– А кто такой Сашка? – с деланной наивностью, впрочем, совершенно излишней, спросил Влад.

– Не такой, а такая. Да она в соседней комнате с этим... Веселый у тебя друг.

Из соседней комнаты донесся приглушенный женский голос:

– Нет, дорогой, что-то у тебя совсем на полшестого... Ничего, сейчас поправим.

Влад подумал, что и на Сашу хорошо подействовала отравка полковника Платонова, и усмехнулся. Как показало не столь далекое будущее, у него действительно были веские основания для саркастической усмешки. Хотя бы потому, что ему не пришлось даже задавать вопро-

сов. Он сам услышал много интересного и, главное, не все из этого интересного оказалось бесполезным.

– Вчера было такое шоу! – словоохотливо продолжала Света. – Бахча пришел не один, а с каким-то мрачного вида типом... – Света сморщилась, словно ей было неприятно говорить об этом, но нестерпимо хотелось высказаться. – Я видела его несколько раз и раньше, но Андрей... Бахтин, в смысле, ни разу не заказывал на него девочку.

– А Бахтин вообще часто приходит к вам?

– Почему часто? – Света потянулась всем телом, потом посмотрела на Свиридова длинным пронзительным взглядом, и в больших влажных глазах ее он увидел откровенный призыв. – Очень часто. Каждый день.

– И каждый раз проводит с тобой сеанс связи? – выдохнул Свиридов, припоминая один примечательный побочный эффект от синтетического психостимулятора.

Этот невинный препарат гипертрофировал либидо. В просторечии – стимулировал половое влечение, и аппетиты в этой сфере обнаруживались такие, что в партнеры требовался как минимум секс-гигант. А лучше несколько, причем все сразу.

Бедный отец Велимир, судя по звуковой гамме, доносившейся из соседней комнаты, уже стал жертвой не на шутку разохотившейся Саши.

– Сеанс связи? – Света рассмеялась, и ее ладонь скользнула от шеи Влада вниз. – Ну... почти. Где-то раз в неделю.

– Но... – начал было он, но стриптизерка не дала ему произнести и звука сверх того:

– Не перебивай меня! Сейчас я доскажу тебе историю про этого рыжего Олега и Андрея... когда они вчера корпели над Сашкой. А потом мы будем трахаться.

– Головой об пол, – свирепо договорил Свиридов. – Кто такой этот Олег, который рыжий?

– Друг Бахчи, я же сказала, – пропела Света, обхватывая его ногами, – только мне кажется, что этот Олег какой-то... Бахча с ним носился, как с писаной торбой... прямо как шестерка. Уж и не знает, как удружить и услужить... разве что только член ему не держал, когда... – И Света, мило скривив губы, выдала совершенно шикарную тираду, сопровождая ее непередаваемой жестикуляцией и телодвижениями, по сравнению с которыми иные сцены из старой доброй немецкой «порнухи» показались бы детской мультипликацией из цикла «Приключения Винни-Пуха и его друзей».

– Носился с ним? – переспросил Свиридов, совершенно проигнорировав непристойную выходку новой русской гейши. Своим инстинктивным звериным чутьем он почувствовал, что в невинной – в плане криминала – байке разомлевшей и потерявшей контроль над собой путаны может крыться неплохая зацепка, если не сказать больше.

Потому что, откровенно говоря, Влад с самого начала понял, что дело тут нечисто. На чем основывалось такое убеждение, он не собирался себе объяснять, потому что рациональный подход часто портит дело.

А если приплюсовать к мрачному предчувствию смерть Лунькова, нападение на Аню и последующее ее необъяснимое исчезновение, то выходило что-то уж совсем неутешительное.

– Ну да, – ответила Света, скользя по нему всем своим телом, – еще как носился. Значит, слушай... кстати, а тебя как зовут-то?

– Вася, – тупо ответил Влад, – то есть Володя.

– Так Вася или Володя?

– А тебе не все равно? – Светиной же фразой раннего периода знакомства ответил Свиридов.

Она легонько толкнула его в лоб и продолжала, то и дело перемежая свои слова мелодичным ехидным смешком:

– Значит, мы вчетвером... я, Сашка, этот рыжий Олег и Бахча... ужинали в зеркальной комнате... есть у нас в клубе такая. Нас с Сашкой подавали им к столу.

– Надеюсь, в прямом смысле?

– Прямее некуда. На закуску выносили... на блюдах. Сашку расписали клубникой, черносливом и зеленью, а меня бананами фаршировали и зернышки граната еще... – Света хмыкнула и пустилась в красочное и подробное описание, каким образом применительно к различным фрагментам ее и Сашки тел располагались упомянутые фрукты и зелень.

Свиридов вспомнил слова отца Велимира касательно того, с чем же едят в «Нимфо» («с клубникой и бананами», – сказал тогда милый служитель культа), и подумал, что эта его необычайная информированность не идет на пользу пастве.

– И потом эти козлы нас прямо на столах... даже клубнику толком не доели... то есть Бахча, конечно, молодцом, а Олег этот рыжий – ну ни в какую. Пытался, конечно, извращенец чертов, но так... ничего и не вышло, а потом начал такое садомазо... я же знаю Бахчу, он никому такое не позволит вытворять, но этому Олегу и слова поперек не сказал.

Свиридов и раньше заметил на теле Светы следы не совсем корректного обращения, а подробности, изложенные девушкой, окончательно убеждали в том, что рыжий, которого привел Бахтин, и в самом деле необычный человек.

– А с виду такой тихий и смирный, – подвела итог своим излияниям Света, – вот уж, в натуре, в тихом омуте такое водится, блин...

– А как выглядит этот Олег, ты запомнила?

– Н-не очень, – ответила Света, неожиданно кусая Влада за шею. – Я тогда не совсем в себе была... Олег как Олег. Рыжий такой.

– Рост, телосложение, отличительные приметы? – уже совсем по-анкетному осведомился Владимир.

– Да откуда я помню? Он же сидел, а когда встал, я на столе лежала. А приметы... импотент он, вот какие приметы. Других не обнаружила. – Она снова скривилась, словно ей было очень неприятно вспоминать этого человека, но не говорить было и вовсе невозможно.

– Хорошие приметы, – пробормотал Влад, – это как же я проверю, если, скажем, захочу его найти?

– А зачем? – пропела Света.

– Да так... приятно побеседовать, – ответил Влад. – А завтра... то есть уже сегодня ночью он придет?

– А куда он денется? – беззаботно ответила стриптизерка. – Придет, конечно. И обязательно абонирует зеркальную комнату. Может, и меня тоже.

– И во сколько он приходит?

– Когда как... когда в двенадцать, когда в девять... это когда он ужинает там. А уезжает примерно часов в пять... на «Кадиллаке», между прочим... эстет. Ну да, пять часов... это у него более-менее регулярный срок.

– А вот, скажем, Кирилл Георгиевич или Эдуард Георгиевич у вас появляются? – продолжил сбор информации Свиридов.

– Редко, – ответила она. – Я толком и не знаю, как они выглядят.

Ну ладно, если братья Страдзе появлялись в своем ночном клубе раз в год, да и тот, судя по всему, високосный, то нечего и воздух сотрясать, решил Влад. Тем более что «нимфа» приступила к самым что ни на есть основательным и целенаправленным домогательствам, так что вскоре и Свиридов, будучи все же человеком, а не одушевленным винтиком «Капеллы» под красивым обозначением «Стрелец АС-13», отказался от всяких намерений гробить дорогостоящее время пикантного рандеву деловыми разговорами.

* * *

Наутро девушек забрали, а отец Велимир, бледно-зеленый с перепоя и передвигающийся с большими усилиями – сей факт, очевидно, следует отнести на совесть переусердствовавшей Саши – заявил Владу:

– Воистину дочь дьявола выпала мне, сын мой. Мало того, что сия язычница...

– Язычница – это, конечно, от слова «язык», пресвятой отец? – бесцеремонно перебил его Влад. – Ну, чем порадуешь?

– А тем, что я теперь неделю на баб смотреть не буду, – прохрипел тот. – Что ты там ей подсунул, экспериментатор хренов?

– Здра-а-авствуй, жопа, Новый Год, приходи на елку! – удивленно протянул Свиридов. – Как это что? Любимое зелье полковника Платонова, «Мечта-21» называется. Или тебе от пьянства совсем мозги переклинило?

– А, ну да. Только я сам ничего не помню. Помню, эта нимфоманка чертова сравнивала меня с каким-то рыжим импотентом, который у них на днях чудил. А больше хоть убей...

– Зачем тебя убивать? – спросил Влад. – Ты все сделал правильно. А акт умерщвления плоти и духа по совместительству с тобой проведут бешеные старушки из твоего прихода, если ты там появишься с такой запойно-абстинентной рожей. В общем, иди спать, пресвятой отец.

Глава 6

К ЗАГОЛОВКАМ ЖЕЛТОЙ ПРЕССЫ: СМЕРТОНОСНЫЙ ОРГАЗМ

Придя домой, Владимир позвонил Ане. Трубку сняли сразу, и он почему-то удивился, услышав знакомый голос:

– Я слушаю.

– Здравствуйте, Анна Михайловна, – сухо сказал он, – что это вы вчера так поспешно ретировались, как Фантомас от Луи де Фюнеса?

– Простите, Владимир Антонович, – в тон ему ответила она. – Просто так получилось. Я понимаю, что у вас вполне обоснованно могли зародиться какие-то подозрения, но поверьте... мне это было необходимо.

– Почему?

– Вы понимаете, есть такие вещи, которые женщина не может сказать мужчине.

– Если это вещи из числа сходить там в заведение под литерой «Жо» на почве скоропостижно нахлынувших надобностей, это еще ничего, – со злым цинизмом сказал он. – Но если у тебя припасено нечто вроде «я думала, что ты захочешь продолжения банкета и пригласишь на сабантуй с последующим романтическим ужином при свечах, а я не смогу отказать... но я не хотела форсировать отношения, чтобы они перерастали из чисто деловых...», и все таким образом по такому графику, то у меня была одна подобная клиентка, потом она едва не пришибла меня с помощью своего внезапно нарисовавшегося мужа.

Аня молчала.

– Извини, – сказал Влад, подумав, что этого более чем достаточно и что он вел себя как полный ублюдок и хам, хотя по его профилю деятельности такая вещь, как галантность, и вообще какое бы то ни было поведение в отношении клиента – если он не вызывает подозрений – не предусматривалась.

Аня подозрений не вызывала. Представив ее лицо в эту минуту, он почему-то вспомнил сегодняшнюю ночь и содрогнулся от отвращения. Судорожного, лавинного, почти животного.

Нет, его точно отчислили бы из «Капеллы». Что-то – в полном несоответствии с природой – с возрастом он становится все более чувствительным и неадекватно реагирующим на действительность. В голове мелькнуло название фильма «Плачущий убийца», и подумалось, что ведь ему еще нет и тридцати двух, а для многих в этом возрасте жизнь только начинается.

– Извини, – повторил он. – Я подготовил первый пункт нашей программы. Позвоню, как будет сделано.

... А еще он почему-то подумал, что, наверное, хорошо, что по номеру телефона нельзя определить его адрес...

– Это будет в счет задатка, – холодно произнесла Аня. – Еще десять после твоего звонка. А если сделаешь все, рассчитаемся окончательно.

* * *

Аня положила трубку и медленно подняла взгляд на стоявшего у журнального столика человека. Он с ироничной улыбкой на тонких губах протянул ей радиотелефон, по которому слушал разговор Ани с Владом. Человек этот был высокого роста, статный, с высокомерной посадкой головы и легкими, отточенными плавными движениями.

Таковыми, какие Аня подметила у Свиридова.

– Вот теперь я не поставлю за жизнь Бахтина и ломаного рубля, даже послекризисного, – высоким надтреснутым голосом выговорил он и пригладил свои густые темно-каштановые волосы с легким рыжеватым отливом.

– Ну что, ты доволен, Олег? – хмуро спросила она.

– Все идет строго по задуманному, – усмехнувшись, ответил он. – А ты у меня умная девочка.

– Зачем ты подослал ко мне своих бритых идиотов? Они чуть не испортили все дело.

– Во-первых, эти идиоты вовсе не мои. А во-вторых, я нанял их, чтобы инсценировать нападение на тебя. Кажется, это не повредило в плане доверия к тебе Свиридова? Он всегда доверял обижаемым нехорошими криминальными дядями девушкам, особенно таким красивым, как ты.

– Но почему ты не предупредил меня?

– Потому что ты испортила бы все дело. Эти дегенераты искренне считали, что похищают тебя, ты тоже думала, что это настоящее нападение. Так посчитал и Свиридов. Кроме того, это было для меня таким удовольствием наблюдать, как легендарный «Стрелец» из «Капеллы» защищает мою девушку от этих трех остолопов. Он по-прежнему в прекрасной форме. Расправиться с ними двумя касаниями – это признак высокого класса.

– Так ты еще и наблюдал за этим? – воскликнула Аня, и на тонком лице ее проступили бледные пятна гнева.

– А как же. Все-таки я заплатил за этот спектакль полторы тысячи «зеленых» и имел полное право сидеть на VIP-местах. Вот только под занавес ты все чуть не испортила. Кто просил тебя убежать из церкви?

Она посмотрела на него коротко и пронизывающе и, только опустив глаза, медленно проговорила:

– Тебе все равно не понять, Олег.

– Понятно. Владу всегда везло с женским вниманием.

Он подошел к девушке вплотную, резким движением приподнял ее подбородок и заглянул в ее тоскливо стекленеющие глаза.

– Тогда ты правильно поступила. Но если я узнаю, что ты... – Он сделал выразительную паузу и закончил: – Не забывай, Анечка, что ты играешь по моим правилам и в моей игре. На моей стороне. Ты девочка умная, так что...

– Конечно, Олег, – тихо сказала она и села на диван. – Только объясни мне одну вещь: кто убил Лунькова?

* * *

...Она прекрасно помнила тот майский день, оборвавшийся для нее на излучине шоссе, по которому ехала машина с ее отцом и братом. Невероятно... поистине неисповедимы пути господни, но ведь что-то привело ее сюда, на окраину Москвы, наивную шестнадцатилетнюю девочку, которая случайно подслушала телефонный разговор своего отца.

Вероятно, он был не самым приятным, этот разговор, потому что лицо отца все больше темнело и хмурилось, а потом он назвал время и координаты места, где должен был встретиться с этими донимающими его людьми.

Она знала, что ничем не может помочь отцу, не может удержать его от поездки на ту роковую встречу... единственное, что она могла предложить самой себе и своей совести – это последовать за ним, быть может, лишь для того, чтобы разрядить жуткое душевное напряжение, невыносимое для не искушенной жизненными испытаниями девочки, лелеемой и оберегаемой всеми остальными членами семьи.

Вероятно, она просто не вполне понимала, на что, собственно, идет.

...Она поймала «попутку» и назвала улицу близ упомянутого отцом места. Как оказалось, она прибыла на «стрелку» первой. Зачем, зачем она приехала сюда, крутился в голове неотвязный вопрос... наконец мелькнула спасительная мысль, что это не то место, или она ошиблась, неправильно истолковав слова отца или неверно расслышав названное им время встречи. Она уже поднялась с лавочки в маленьком скверике у этого шоссе, как вдруг увидела машину брата. Подержанную «бээмвэшку» грязно-серого цвета, которая в те годы считалась едва ли не верхом крутизны. Из нее вышли два человека, третий, водитель, остался за рулем.

Двое вышедших из «БМВ» были ее отец и старший брат.

До сих пор не понятно, почему они приехали на машине брата, а не на более respectable «мерсе» отца. Для Ани это показалось каким-то знаковым предзнаменованием зловещих событий. Возможно, все это оставалось бы неврастеническими бреднями возомнившей невесты что испуганной девочки, если бы не подтвердилось с неумолимо жестокой быстротой.

К серому «БМВ» брата подъехала забрызганная грязью «девяносто девятая», и из нее один за другим полезли люди. В первом она узнала знаменитого вышибалу по кличке Бахча, который прославился тем, что среди белого дня расстрелял милицейский патруль и ушел невредимым. И в дальнейшем у него никогда не возникало проблем с правоохранительными органами.

Двое других – бывшие партнеры отца по бизнесу, братья Страдзе. Они в свое время были вхожи в семью Прохоровых, но потом между ними и отцом пробежала черная кошка, и они оставили фирму отца.

И сейчас, по всей видимости, должен был состояться последний акт этого трагифарса под названием «Как Михаил Иванович поссорился с Кириллом Георгиевичем и Эдуардом Георгиевичем». Трагифарса, под занавес окрасившегося кровью.

Они говорили не больше пяти минут. Конечно, Аня не могла слышать их разговор, потому что находилась как минимум от них в пятидесяти метрах, но зрение у нее было превосходное, и она могла различить, как гневно кривился рот старшего Страдзе и шевелил густыми, сросшими на переносице бровями младший. Лицо отца она видеть не могла, потому что он стоял к ней спиной, а брат, судя по всему, и вовсе присел на заднее сиденье своей машины, свесив ноги на асфальт и высунув наружу голову.

Потом отец махнул рукой и тоже сел в машину. Хлопнул дверью. И тут, словно по хлопку этой двери, начался ад, который она будет помнить всю оставшуюся жизнь.

Бахча выхватил пистолет и несколько раз выстрелил в лобовое стекло «БМВ». В руках старшего Страдзе появился «калаш», которым он в упор прошил «БМВ». Бахча распахнул переднюю дверь и разрядил всю обойму второго – полуавтоматического – пистолета в ее отца.

Автомат в руках второго Страдзе влился очередью в жуткую какофонию смерти.

Через десять секунд до основания изрешеченная «БМВ» взорвалась, а сделавшие свое дело убийцы сели в машину и уехали.

Аня не помнит, что было с ней после всего увиденного, не помнит и того, как добралась домой.

Разве могла знать эта доселе не знавшая ни нужды, ни горя девочка, что кошмар только начинается...

* * *

Наполеон разбил горшок с кактусом, стоявший на подоконнике, и Владимиру пришлось в спешном порядке прибирать это безобразие, пока питомец не разнес землю по всей квартире.

– Это невыносимо, ваше величество, – сказал Свиридов, беря отчаянного дрыгающего лапами тезку великого императора на руки. – А что по этому вопиющему факту скажет господин Талейран? Ведь, да будет вам известно, он собирался делать из этого кактуса текилу.

Талейраном по исторической аналогии и в качестве докомплекта к уже наличествующему в доме Наполеону назвал себя Илья, когда Влад после сексуально-алкогольного марафона в обители отца Велимира навестил его в больнице. Как известно, знаменитый министр иностранных дел империи был хромым, а Илье сообщили, что существует некоторая, хотя и малая, вероятность уподобиться ему.

Перед тем как продолжить так счастливо начатую накануне разгульную жизнь, Влад решил хорошенько выспаться.

Что он и сделал.

Проснувшись в пять вечера, он, не успев даже толком продрать глаза, начал отрабатывать детали запланированного на сегодняшнюю ночь посещения «Нимфо».

Прежде всего деньги. В них недостатка нет, особенно при наличии у него аванса от Ани в размере двенадцати с небольшим тысяч долларов. Двенадцати?! Но она давала ему тринадцать. Неужели он умудрился за ночь потратить почти тысячу так стремительно дорожающих нынче «зеленых»?

Ну, кажется, так оно и есть. Нет, никогда тебе не быть богатым, Владимир Антонович Свиридов.

Он включил телевизор, где в этот момент передавали очередную авральную сводку курса валюты на ММВБ, и, порадовавшись за свою относительную финансовую состоятельность, углубился в дальнейшие размышления.

Одежда и внешность. Он подумал, что не стоит идти в клуб в своем природном обличье и мелькать там перед глазами людей, которые могут знать его в лицо, даже не будучи осведомлены о роде его деятельности (об этом знало ничтожное количество граждан города).

Он подошел к зеркалу. Полковник Платонов всегда сетовал на то, что природа наделила одного из лучших его «музыкантов» яркой сценической внешностью. Когда в восьмидесят шестом году курсанты «Капеллы» проходили восьмимесячный курс актерского мастерства, который вел, кстати, заслуженный артист СССР, сотрудничающий со спецслужбами, «Стрелец» получил о себе самый лестный отзыв и полушутливое предложение перейти в храм культуры, в театр этого деятеля культуры в случае, если его, Свиридова, попросят из «Капеллы».

Влад подумал тогда, что единственный храм, куда он может попасть после отчисления из спецгруппы, – это церковь, где его будут отпевать. Как выяснилось позже, отчисленные курсанты не могли рассчитывать даже на это. Уставный посмертный минимум – погребальная урна для пепла – и все. Никаких тебе культурных программ с отпеванием и торжественными похоронами.

...Он решил проблему внешности просто. Надел парик с великолепной по достоверности лысиной, искусно загримировал лицо под почтенного представительного мужчину средних лет. В глаза вставил линзы, меняющие цвет глаз и скрадывающие их выразительный блеск. Надел строгий вечерний костюм. Потом внимательно осмотрел себя в зеркале, откуда меланхолично поглядывал на него пятидесятилетний солидный бизнесмен. Влад остался доволен тотальным изменением своей неподобающе видной для киллера внешности к худшему.

Хотя киллерам совершенно не обязательно рисоваться перед глазами своей потенциальной мишени.

Машина. Этот пункт программы был необязательным, но желательным. Темно-зеленая «БМВ» не подходила к его новому имиджу. По крайней мере, так он посчитал. После некоторых размышлений Влад решил попросить на вечер машину у Маркова. Это было очень удобно, потому что Китобой приобрел этот «Мерседес» только на днях, и он не успел еще примелькаться в городе.

Прекрасная мысль.

Он позвонил Маркову по «мобильнику» и настоятельно попросил его об этом сверхнужном, как он выразился, одолжении.

– А че это тебе, Володя, приспичило? – поинтересовался тот. – Шифруешься, что ль, от кого?

– Да нет, одной клавише пыль в глаза пускаю, – не моргнув глазом, ответил Свиридов.

– А-а-а, фишишь, стало быть? – ухмыльнулся Китобой. – Ну хрен с тобой, бери, но только если мне ее поцарапаешь или пепельницу испортишь, мы с тобой будем долго и нудно разговаривать на эту тему.

– Ну конечно, – меланхолично отозвался Свиридов.

* * *

Здоровенный черный «Мерседес-500» бесшумно подкатил к роскошному двухэтажному зданию ночного клуба «Nimpho», откуда, несмотря на ранний час – было всего-то около одиннадцати, – уже слышалась музыка, а на общем балкончике второго этажа, выходящем на Волгу, покуривало, хотя это было разрешено и внутри клуба, и дышало свежим воздухом человек шесть посетителей и посетительниц..

У входа стояли иномарки, но среди них ни одного «Кадиллака», на котором, по словам танцовщицы «Нимфо» Светы, приезжал Бахтин, не было. Зато сверкал белый «Линкольн» с московскими номерами.

Из черного «Мерседеса» вышел высокий лысоватый господин в темном вечернем костюме, и даже Илья Свиридов не признал бы в нем родного брата Владимира. Господин поставил машину на сигнализацию, вошел в вестибюль, заплатил двадцать долларов за вход и был напутствован улыбчивым охранником:

– Приятного вам отдыха!

Судя по внешнему виду главного зала клуба, отдых в самом деле обещал быть приятным. И хотя главное блюдо – стрип-шоу – еще придерживалось хозяевами клуба, очевидно, ожидающими еще большего наплыва клиентов, зрелище затягивало, как воронка водоворота.

К Свиридову подскочил вертлявый официант и проводил его до столика прямо у сцены, на которой вскоре – а именно в полночь – должны будут начаться эротические танцы ночных «нимф» главного развлекательного комплекса города.

Нельзя сказать, что Влада, не особо жалующего городские заведения подобного толка, удивило великолепие нового владения братьев Страдзе. В последний свой визит в Москву он посетил знаменитый ресторан «Золотой», что на Кутузовском проспекте. По сравнению с этим столичным заведением, подъезжать к которому на «Мерседесе» – все равно что выруливать на горбатом «Запоре», потому как стоянка возле него забита сплошь «Ягуарами», «Линкольнами» и «Роллс-Ройсами», – так вот, по сравнению с ним «Нимфо» казался обычной забегаловкой, где студенты пьют дешевую водку и «Портвейн 72».

Влад огляделся: Бахтина действительно видно не было. Ну что ж, тогда можно предаться смертному греху чревоугодия. Совместить, так сказать, приятное с полезным.

Свиридов заказал наугад несколько блюд – по расхожему принципу, который до семнадцатого августа усиленно брался на вооружение новыми русскими. А именно – «куда палец ткнет», варианту детской игры «на кого бог пошлет». Бог послал не самый эклектичный ужин – телятину «Орлофф» с помидорами, ореховые блинчики с апельсиновым салатом, шашлык почему-то из цыпленка и бутылку «коллекционного вина», как то было обозначено в меню. Ну что ж, не глядя, решил Свиридов, не самый плохой выбор.

Конечно, это не котлета «Деваляй» из суперкурицы, фаршированной муссом из лангустов, не омар, фламбированный в коньяке, и клубника с ликером «Куантро», которые доводилось ему есть в упомянутом «Золотом». Да и слава богу. По крайней мере, соотношение между стоимостью и вкусовыми качествами ужина в пользу «Нимфо».

Подумав, Влад добавил к списку заказанных им пафосных блюд еще порцию мороженого.

Когда официант принес все это на манерном подносе, по московскому образцу снабженном гербом ресторана, он расплылся перед Владом в угодливой улыбке и осведомился, не угодно ли господину клиенту провести вечер в приятном обществе и поужинать и выпить вина не в одиночестве, как в данный момент, а с прекрасной дамой. А если щедрому джентльмену заблагорассудится продолжить это знакомство, то к его услугам оборудованные по высшему классу номера наверху.

Влад поморщился: в столице служители ночных клубов не отличались столь скоропостижной назойливостью.

– Угодно, – все-таки ответил он. – Позови-ка мне, любезный, Свету.

– У нас две Светы, – ответил тот, юля перед Свиридовым. – Которую желаете?

– Приведи обеих, я сам выберу, – сказал Влад и приступил к неспешной вечерней трапезе.

Дуэт Светлан появился почти мгновенно, и в одной из них, исключительно эффектной шатенке со стильной прической и в вызывающе открытом и коротком вечернем платье, он не без труда признал свою ночную подругу – так менял ее макияж и прическа.

Он-то ее узнал, а вот интересно, узнает ли она его?

– Присаживайтесь, – сказал он ей, махнув рукой официанту, что вторая свободна. – Вина?

Она взглянула на него, кажется, удивленно.

– Вы не из нашего города? – после паузы спросила она, принимая от него бокал.

– Почему вы так решили?

– Потому что не похожи на местного. Тем более что я вас ни разу не видела.

– Из Москвы, – кивнул он. – Вы знаете, у вас тут совсем неплохо. По крайней мере, очень прилично даже на фоне московских стандартов.

– А почему вы называете меня на «вы»? – спросила Света. – Это как-то...

– ...режет слух? – договорил он. – Ну хорошо, Света. А я, между прочим, тебя знаю. Мне рассказал о тебе мой деловой партнер в вашем городе.

– Это кто, если не секрет?

– Именно секрет. Меня зовут Андрей, можешь так и называть.

Завязался какой-то незначущий разговор, во время которого Влад налегал больше на еду и мороженое, а девица – на вино, да так, что уже к исходу получаса от бутылки ничего не осталось. Пришлось заказать вторую.

Именно в этот момент появился Бахтин.

Свиридов сразу узнал его, хотя видел только на фотографии. Он был в расстегнутой на две верхние пуговицы белой рубашке и песочно-желтом пиджаке, по которому, между прочим, очень хорошо было ориентироваться в темноте, отметил для себя Влад. С Бахчой в зал вошли двое громил роскошных габаритов, очевидно, телохранителей из службы безопасности братьев Страдзе.

И тотчас же потух и без того достаточно интимный верхний свет, на сцене включилась дансинг-иллюминация, а по залу замелькали разноцветные лучи: началось стрип-шоу. Очевидно, директор ночного клуба ждал появления главного своего завсегдатая.

Свиридов тотчас вспомнил элитарный московский клуб «Dolls», самое известное столичное заведение подобного толка, стриптиз-шоу которого считалось лучшим. Нельзя сказать, что курируемое его новой мишенью, то бишь Бахтиным, шоу катастрофически уступало московскому. Даже с точки зрения столичного сноба, которого он, Влад, сейчас довольно удачно изображал.

Косясь на что-то весело говорящую ему в ухо Свету, которая уже деловито примостилась к нему на колени, он переводил взгляд с мелькающих на сцене девушек на сидевшего через два столика Бахтина, который не отрывал взгляда от их все более обнажающихся прелестей.

А того Олега, про которого говорила ему Света, а Афанасию – Саша, что-то не было видно. По крайней мере, ни один из сидящих за столиками парней не соответствовал даже тому более чем скудному описанию, которое он слышал.

И Бахтин подозрительно поглядывал в его, Свиридова, сторону...

* * *

Спустя некоторое время выяснилась причина косых взглядов Андрея Николаевича в сторону своего мнимого тезки (напомним, что Свиридов представился Свете именно Андреем). Причина, как оказалось, коренилась в Свете.

Вернее, в ее наличии рядом со Свиридовым.

Просьба вызвать для себя Свету строилась в расчете именно на такую удачу. Удачу, которая была так маловероятна, но пришла. Удача, которой могло не быть, без которой он вполне мог обойтись, но если она пришла, то глупо было от нее отказываться.

Потому что так было легче не упускать из виду Бахтина и в результате выхватить один такой миг, чтобы сделать то, зачем он сюда пришел.

– Да мне плевать!.. – долетели до него отрывки фраз, выпущенных уже основательно нагружившимся спиртными напитками Бахтиным. Перед ним застыл испуганный официант и только бессмысленно вращал глазами, пытаясь вставить свое робкое слово в шквал бахтинского красноречия.

Очень хорошо. Он, Свиридов, получает прекрасный шанс столкнуться с Бахтиным нос к носу и оказать ему ценную услугу, которая может понравиться шефу «секьюрити» братьев Страдзе.

Ну вот. Кажется, до этой глупой куклы стрип-шоу дошло, в какого рода переплет она может влипнуть из-за свирепого нрава своего постоянного клиента. Побледнела, даже протрезвела, наверное, глупая девочка. От страха.

Официант вырвался из гневной словесной лавины Бахтина и, ловко петляя между столиками, размашистыми шагами подошел к Свиридову.

– Простите, сударь, – чинно обратился он к Владу, – возникло маленькое недоразумение. Надеюсь, что оно будет легко и естественно устранено.

Хорошо говорит, подумал Влад. Наверняка какое-нибудь образование по специальности что-то вроде иныза. Разумеется, мы легко разрешим это незначительное недоразумение, брат.

– Дело в том, что Светлана, в чем обществе вы сейчас находитесь, не может более оставаться с вами. Я понимаю, что это звучит для вас неприятно, но в качестве моральной компенсации наше заведение готово не выставить вам счет за то, что вы издержали на нее, и презентовать вам вот эту бутылку вина. Надеюсь, вы не в претензии на нас?

– Разумеется, я на вас не в претензии, – сказал Свиридов.

Тот облегченно вздохнул. Да, сильно его напугал Бахтин. Вероятно, по отмашке Андрея Николаевича золотой дождь льгот, скидок и компенсаций и пролился над ним, Владом. Разумеется, по предложению бедняги официанта, не желающего скандала или, упаси боже, потери работы.

– Я полагаю, Свету желает заполучить вон тот господин в желтом пиджаке. Если не сложно, будьте добры, пригласите его за мой столик.

Официант глянул на Владу в некотором смятении, а Света и вовсе приоткрыла рот.

– Хо-ро-шо, – наконец по слогам выдавил представитель заведения. – Одну минуту...

Одна минута истекала, и по мере ее приближения к своему финалу лицо Бахчи, которому что-то говорил на ухо официант, все более вытягивалось, а брови ползли вверх. Потом он повернулся, бросил на Свиридова пристальный, но отнюдь не агрессивный, а скорее любопытствующий взгляд. Поднялся и направился прямо к нему, Свиридову.

...Нет, не сейчас, мелькнуло в голове словно в ответ на мгновенный импульс, дернувший его руку к внутреннему карману, где лежал у него мини-пистолет. Позже.

А нервы все равно сдали. Да, в «Капелле» у него были не нервы, а какая-то стальная арматура из железобетонной конструкции. Рука не дрогнула бы и на миллиметр, даже если бы через секунду он должен был спустить курок пистолета, направленного в его собственный лоб.

Бахтин надвинулся и присел на стул напротив. «А он, оказывается, больше, чем казался издали, здоровый парень, отметил Влад. Не иначе какой-нибудь культурист и бывший вышибала эпохи первоначального накопления капитала, как ныне называют время на стыке восьмидесятых и начала девяностых».

Света проямлила что-то отдаленно напоминающее приветствие, но осеклась под его тяжелым взглядом.

– Добрый вечер, – поздоровался Влад. – Мне сказали, что вы хотели бы пообщаться со Светланой. По-видимому, она ваша старая знакомая?

– Угу, – процедил Бахтин.

– Ну что ж, не буду вам мешать, тем более что я внакладе не остаюсь. Не выпьете ли с нами?

– Пожалуй, – неожиданно ответил тот. – Эй, Василий, принеси-ка нам бутылку... а то я на халяву пить не привык.

– Чего изволите?

– Водки, понятное дело!

Они выпили водки, и за столик Свиридова подсади и охранники Бахтина, потому как хозяин, очевидно, решил некоторое время посидеть в обществе сговорчивого гостя.

Естественно, Бахтин позаботился о том, чтобы тот не остался в одиночестве. По окрику Андрея Николаевича Василий доставил к столику еще пару девиц, не задействованных в шоу, вернее, уже оттанцевавших свои номера. Одной из них, по необъяснимому стечению обстоятельств, оказалась та самая Саша, что накануне развлекала пресвятого отца Велимира и довела до такой кондиции, что тот едва-едва приводил в вертикальное положение самого себя, не говоря уж, прощу прощения, об отдельных функциональных фрагментах своего организма.

То есть компания подобралась прежняя, только вместо старого однокашника Афони Фокина наличествовал господин Бахтин с двумя своими бодигардами.

– Ну че, Андрюха, – пропустив уже за свиридовским столиком пять по пятьдесят граммов, прохрипел Бахтин, – ты, как человек московский, скажи... как, ничего наша хибара? Покатит со столичными равняться?

– Почему нет? – ответил тот. – Конечно, ковров от «Бринтон» за полсотни «косых» баксов вы тут на полу не стелете и системы ионизированной атмосферы, до последнего иона идентичной воздуху Инсбрука и Сен-Тропеза, тут нет, но это не главное. Главное, что сервис по высшему стандарту, меню на уровне... а что больше всего радует, так это девчонки... недаром говорят, что в Поволжье самые красивые девочки России обитают.

Пьяный Бахтин, которому «ария московского гостя» показалась сплошь курением фимиамов и адаптированным к условиям российской провинции вариантом композиции Фредди Меркури «We are the champions», что-то одобрительно промурлыкал и содрал с сидящей на его коленях Светы предпоследнюю одежду (последней, само собой, были трусики, впрочем, тоже чисто номинальные).

Внезапно Влад ощутил что-то похожее на жалость к этому самодовольному и сильному человеку. Потому что ничто не смогло бы защитить его, у которого были все блага, которые дают человеку богатство и известность, от безвременной смерти, сидевшей сейчас перед ним, вежливо улыбаясь и глядя грудь заказанной им, Бахтиным, девушки.

Он, Влад, эта смерть.

А потом перед глазами вспыхнуло лицо Ани, ее скомканный ненавистью взгляд. Она не может лгать, да и без того смешно говорить об угрызениях совести у него, идеально вышколенного элитного убийцы, взявшего на себя грех слишком многих смертей, чтобы испытывать колебания перед умножением их числа.

Было много и менее виновных, чем этот Бахтин, и все они умерли. Значит, так нужно.

– Пойдем наверх, – предложил ему Бахтин, – с девчонками побалуемся.

– Позже, Андрей, – ответил Свиридов. – Я еще не поужинал.

– Да ну, в самом деле... наверху и доешь. Да ты че, в натуре, сюда жрать, что ли, пришел?

– Я хочу пока посидеть здесь.

– Ну, как знаешь. А мы пошли покувыркаемся... Сашку тебе оставить?

– Нет, бери с собой.

– А ты, значит, подойдешь? – продолжал бормотать Бахтин, которому, очевидно, не терпелось пустить пыль в глаза «столичному фрукту»: дескать, и мы тут в провинции не лыком шиты. – Мы будем в третьем номере.

– Да, – ответил Влад. Ну зачем же ты, Андрей Николаевич, сам приближаешь свою смерть, медленно выкристаллизовалось в мозгу, поживи еще немного, ведь я и так не даю тебе шансов надолго задержаться на этой столь благодатной для тебя земле...

Бахтин, пошатываясь, поднялся и, набросив на почти обнаженное тело Светы какую-то вещичку из одежды, которая до того на ней была, сгреб ее буквально в охапку и, периодически придерживаемый своими охранниками за локти, проследовал через весь зал к тускло поблескивающей в отсветах прожекторов мраморной лестнице, ведущей на второй этаж.

За ними поднялась Саша и еще одна девушка, только что отработавшая свой номер на сцене.

Прошло с четверть часа. Влад выпил еще немного вина из своей трофейной «морально ущербной» бутылки. К нему подошел Василий и, почтительно вытянувшись – очевидно, на него произвело сильное впечатление то, как легко Влад сошелся с грозным Бахчой, – поинтересовался, что еще угодно господину клиенту.

– Принеси мне через десять минут сто граммов кальвадоса и еще вашего мороженого. Оно мне очень понравилось.

– Через десять минут? – переспросил Василий. – Разве вы собираетесь уходить?

– Почему ты так решил?

Тот замялся, вероятно, не зная, что ответить.

– Боишься потерять хорошего посетителя? – улыбнулся Свиридов. – Ну что ж, такой подход к делу не может не радовать. В общем, ты понял: мороженое и кальвадос через десять минут.

Тот кивнул и испарился. Хороший парень, подумал Влад, по крайней мере, не из числа тех, кто задумывается о своих моральных кондициях, только отправляясь на тот свет.

* * *

Он поднялся по отделанной белым мрамором, зеркалами и позолотой лестнице на второй этаж и прошел по пустынному коридору, застеленному скрадывающей шаги мягкой ковровой дорожкой. Здесь было на удивление тихо и спокойно, по крайней мере, такое ощущение сложилось после кутерьмы и ночного разгула, полыхающего в главном зале. Снизу доносились какие-то обрывочные звуки музыки, иногда прорезывался смех и голоса – наверное, тех, кто сидел близко к лестнице.

А тут было тихо. Из номера под цифрой семь доносились вздохи, стоны, сопение и возня, не оставляя сомнений в том, чем там могли заниматься. Из пятого слышался смех, звон бокалов и женский визг – надо полагать, прелюдия к номеру седьмому.

Он подошел к двери третьего номера и потянул на себя ручку двери. Закрыто. Ну конечно, Бахтин забыл о нем, едва потерял из виду. Вероятно, предусмотрительный охранник запер ее, чтобы никто не мешал шефу развлекаться. И это даже к лучшему.

Он прислушался. Ничего нового не услышал – такая же звуковая гамма, что и в седьмом, разве что народу участвует больше. Интересно.

Влад вынул из внутреннего кармана коробочку с набором миниатюрных отмычек, при помощи которых смог бы открыть и не такой примитивный замок, как тот, что сейчас был перед ним. Этот набор состоял на вооружении еще у специалистов «Капеллы» и от обычных урковских инструментов отличался так же, как, скажем, дирижабль от космического «Шаттла».

Он провозился не более семи-восьми секунд. Тихо приоткрыл дверь и проскользнул внутрь на звуки интенсивных сексуальных экзерсисов.

Из маленькой прихожки, на полу которой валялся чей-то пиджак и разорванный надвое черный лифчик, в разные комнаты вели две двери.

В приоткрытую дверь одной из комнат он увидел бугристую спину бахтинского охранника, усиленно обрабатывающего Сашу. Другая девица ублажала вальяжно развалившегося в кресле второго телохранителя, который тупо смотрел телевизор.

Значит, шеф во второй комнате.

Свиридов так же бесшумно отворил следующую дверь. Ему нечего было опасаться: даже если бы его заметили, то приняли бы минимум как не названного гостя. Он позаботился об этом внизу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.